

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Филологический факультет
Кафедра русского языка (КРЯ)

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП
д-р филол. наук, профессор
В.С. Киселев
« _____ » _____ 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СИТУАЦИИ ЗРИТЕЛЬНОГО И СЛУХОВОГО
ВОСПРИЯТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ (НА
МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКОВ «ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ» И «ПОСЛЕ
РОССИИ»)

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 45.03.01 – Филология

Белоусова Анастасия Андреевна

Руководитель ВКР
канд. филол. наук, доцент
Л. Б. Крюкова
« _____ » _____ 2018 г.

Автор работы
Студентка группы № 1341
А. А. Белоусова

Томск – 2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
(МИНОБРНАУКИ РОССИИ)
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)
Филологический факультет
Кафедра русского языка (КРЯ)

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой русского языка
Григорьев Т.А. Демешкина
« 08 » 06 2018 г.

ЗАДАНИЕ

по подготовке ВКР бакалавра студенту Белоусовой Анастасии Андреевны группы № 1341

1. **Тема ВКР** Средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэтическом творчестве М. Цветаевой (на материале сборников «Вечерний альбом» и «После России»).

2. Срок сдачи студентом выполненной ВКР:

- а) на кафедре 09.06.2018 г.
б) в ГАК 11.06.2018 г.

3. Исходные данные к работе

Цель – проанализировать способы структурно-семантической организации высказываний с семантикой зрительного и слухового восприятия в поэтическом творчестве М. Цветаевой, определить их функциональную нагрузку и выявить особенности авторского идиостиля.

Задачи: 1) выделить и систематизировать контексты, включающие в себя высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия; 2) проанализировать семантическую структуру высказываний, акцентируя внимание на средствах выражения предикативного компонента; 3) определить функциональную нагрузку высказываний с перцептивной семантикой в поэтическом творчестве М. Цветаевой и выявить особенности авторского идиостиля; 4) провести лингвистический анализ высказываний с семантикой зрительного восприятия на материале стихотворения «Дама в голубом»; 5) провести лингвистический анализ высказываний с семантикой слухового восприятия на материале стихотворения «Вереницею певчих свай».

Объект исследования – семантика зрительного и слухового восприятия в поэзии М. Цветаевой.

Используемые методы: метод научного описания (приёмы систематизации и классификации), лингвистическое моделирование, лингвостилистический анализ художественного текста, элементы лингвистического моделирования.

4. Краткое содержание работы:

Введение (сентябрь 2017, апрель 2018 г.). Глава 1. Особенности восприятия и способы его выражения в языке (октябрь – ноябрь 2017 г.). Глава 2. Средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэтических текстах М. Цветаевой (декабрь 2017, январь – февраль 2018 г.). Глава 3. Функциональная нагрузка высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия в поэтических текстах М. Цветаевой (март – апрель 2018 г.). Заключение (май 2018 г.). Приложение (в течение года).

5. Указать предприятие, организацию по заданию которого выполняется работа

НИ ТГУ

6. Перечень графического материала (с точным указанием обязательных чертежей).

7. Дата выдачи задания «02» ноября 2018 г.

Руководитель ВКР

доцент кафедры русского языка

к.ф.н., доцент

Задание приняла к исполнению Белоусова А.А.

Крюкова
Л.Б. Крюкова

02. ноября 2018 г. Белов

АННОТАЦИЯ

В работе рассматриваются средства выражения семантики зрительного и слухового восприятия в поэтическом творчестве М. Цветаевой.

Целью исследования является анализ способов структурно-семантической организации высказываний с перцептивным значением в текстах поэта, определение их функциональной нагрузки, выявление особенностей авторского идиостиля.

Материалом для исследования послужили два сборника М. Цветаевой: «Вечерний альбом» и «После России». Структура работы включает в себя введение, 3 главы, заключение, список литературы и приложение. В центре внимания первой главы находится рассмотрение основных теоретических положений, связанных с изучением восприятия в языке, дается общая информация об исследуемых сборниках. Во второй главе проведен анализ способов репрезентации ситуации зрительного и слухового восприятия с точки зрения формы и содержания. Третья глава представляет собой описание функциональной нагрузки высказываний с перцептивной семантикой в поэтическом тексте. Работа включает приложение (547 контекстов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1 Особенности восприятия и способы его выражения в языке	
1.1 Общие представления о восприятии	8
1.2 Зрительное восприятие и его отражение в языковой картине мира	10
1.3 Слуховое восприятие и его отражение в языковой картине мира	13
1.4 Сборники «Вечерний альбом» и «После России» в поэтическом творчестве М. Цветаевой	15
2 Средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэтических текстах М. Цветаевой	
2.1 Структурно-семантическая организация высказываний с семантикой зрительного восприятия	19
2.1.1 Высказывания с семантикой зрительного восприятия в сборнике «Вечерний альбом»	19
2.1.2 Высказывания с семантикой зрительного восприятия в сборнике «После России»	27
2.2 Структурно-семантическая организация высказываний с семантикой слухового восприятия	35
2.2.1 Высказывания с семантикой слухового восприятия в сборнике «Вечерний альбом»	35
2.2.2 Высказывания с семантикой слухового восприятия в сборнике «После России»	39
2.3 Структурно-семантическая организация высказываний с семантикой комплексного восприятия	46
3 Функциональная нагрузка высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия в поэтических текстах М. Цветаевой	

3.1	Лингвостилистический анализ стихотворения «Дама в голубом» (сборник «Вечерний альбом»)	52
3.2	Лингвостилистический анализ стихотворения «Вереницею певчих свай» (сборник «После России»)	56
	Заключение	60
	Список литературы	62
	Приложение А. Сборник «Вечерний альбом»	69
	Приложение Б. Сборник «После России»	85

ВВЕДЕНИЕ

Восприятие является одной из форм познания внешнего мира на ступени «живого созерцания», процессом отражения действительности [Кириллова, Примова, 1988, с. 116]. Это своеобразный центр, соединяющий в себе внутренний мир человека и окружающую его действительность.

По мнению исследователя Ю.Д. Апресяна, для природы человека характерно наличие восьми основных систем, которые вступают в иерархические отношения. Восприятие является первой ступенью, дающей возможность для человека испытывать физиологические реакции и эмоции, а также реализовывать какие-либо физиологические и ментальные действия. Самым сложным из них, по мнению исследователя, оказывается речь, которая отличает человека и весь остальной мир живой природы [Апресян, 1995, с. 352].

Семантическое поле категории «чувственное восприятие» является одним из самых обширных в русском языке. Вероятно, это объясняется тем, что субъективный опыт человека основывается на информации, полученной при помощи пяти сенсорных систем. Значение любого слова прямо или косвенно связано с семантикой ощущений, что проявляется в определенной сочетаемости слов [Григорьева, 2004, с. 9].

Восприятие, или перцептивность, являясь объектом научного изучения, попадает в поле зрения различных гуманитарных дисциплин: лингвистики, литературоведения, философии, психологии. В современной лингвистике, по мнению А.В. Бондарко, перцептивность может рассматриваться как элемент семантики высказывания и приобретать статус содержательной характеристики целого текста, а также его значительных фрагментов [Бондарко, 2004, с. 276].

Воплощение ситуации восприятия в языке регулируется принципами, обусловленными национальной языковой картиной мира. В отечественном

языкознании на данный момент семантика восприятия изучается на уровне лексики, семантической структуры высказывания и стилистики текста.

В современной лингвистике интенсивность исследований восприятия возросла настолько, что в начале XXI в. ученые пишут о создании особого направления в языкознании, которое В.К. Харченко обозначает как лингвосенсорику [Харченко, 2012, с. 6], а О.А. Мещерякова – как лингвистическую перцептологию [Мещерякова, 2011, с. 368].

В первую очередь лингвисты анализируют лексические единицы с семантикой восприятия. В соответствии с этим можно говорить о целом ряде направлений, сформировавшихся в процессе изучения рассматриваемого объекта: семантическое (Васильев, 1971; Шрамм, 1979; Степанян, 1987; Рузин, 1995; Авдевнина, 2013), когнитивное (Вежбицкая, 1980, 1997; Падучева, 2006; Рахилина, 2008), синтаксическое (Золотова, 1982; Шмелёва, 1988; Башкова, 1995; Демешкина, 2000; Борейко, 2006; Двизова, 2014) и др.

Объектом исследования в лингвосенсорике являются разные типы дискурсов, но наиболее часто авторы обращаются к художественным текстам, так как именно в них семантика восприятия образует некую смысловую вертикаль, имеющую смыслоорганизующее, структурирующее значение [Авдевнина, 2014, с. 165].

В представленной работе внимание сосредоточено на поэзии М. Цветаевой. Несмотря на наличие множества научных работ по изучению языка ее поэтического творчества (О.Г. Ревзина, 1983; Л.В. Лосев, 1991; Е.Л. Лаврова, 1994; Л.В. Зубова, 1999; В.А. Маслова, 2000; М.И. Жадлун, 2014 и др.), наследие автора не исчерпало себя. Исследователям до сих пор предоставляется возможность находить всё новый и новый материал в многогранной поэзии М. Цветаевой, рассматривать и анализировать его в разных аспектах.

Актуальность предпринятого исследования связана с развитием таких современных направлений языкознания как когнитивная лингвистика и коммуникативная стилистика текста. Исследование перцептивной семантики

на материале творчества одного автора позволяет выявить как особенности индивидуальной поэтической картины мира, так и специфику авторского идиостиля. Перцептивная картина мира в поэзии М. Цветаевой исследовалась фрагментарно, поэтому предлагаемая работа вносит вклад в описание художественной картины мира поэта.

Цель исследования – проанализировать способы структурно-семантической организации высказываний с семантикой зрительного и слухового восприятия в поэтическом творчестве М. Цветаевой, определить их функциональную нагрузку, выявить особенности авторского идиостиля.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) выделить и систематизировать контексты, включающие в себя высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия;
- 2) проанализировать семантическую структуру высказываний, акцентируя внимание на средствах выражения предикативного компонента;
- 3) определить функциональную нагрузку высказываний с перцептивной семантикой в поэтическом творчестве М. Цветаевой и выявить особенности авторского идиостиля;
- 4) провести лингвистический анализ высказываний с семантикой зрительного восприятия на материале стихотворения «Дама в голубом»;
- 5) провести лингвистический анализ высказываний с семантикой слухового восприятия на материале стихотворения «Вереницею певчих свай».

Объектом настоящего исследования является семантика зрительного и слухового восприятия в поэзии М. Цветаевой.

Предметом стали высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия в поэтических текстах сборников «Вечерний альбом» и «После России».

Для решения поставленных задач в работе были использованы: метод научного описания (приёмы систематизации и классификации),

лингвостилистический анализ художественного текста, элементы лингвистического моделирования.

Материалом для исследования послужили два сборника М. Цветаевой: «Вечерний альбом» и «После России». Основанием для такого выбора стала установка на выявление способов структурно-семантической организации высказываний с семантикой зрительного и слухового восприятия на разных этапах творчества поэта.

В ходе работы было проанализировано 111 стихотворений, вошедших в ранний сборник М. Цветаевой «Вечерний альбом», и 159 поэтических текстов из последнего прижизненного сборника автора «После России». Для проведения исследования выделено в общей сложности 547 контекстов, которые разделяются следующим образом: 90 высказываний с семантикой зрительного восприятия, 107 – слухового и 65 – комплексного выделены из текстов первого сборника поэта, а 85 конструкции со значением зрительной перцепции, 162 – слуховой и 38 – комплексной – из последнего.

Таким образом, числовое соотношение контекстов показывает, что зрительное и слуховое восприятие продолжают играть значительную роль в поэтических текстах М. Цветаевой. Лирический герой или героиня все также познают мир, выражают свои чувства и эмоции посредством зрения и слуха.

Структура работы включает в себя введение, 3 главы, заключение, список литературы и приложение. В центре внимания первой главы находится рассмотрение основных теоретических положений, связанных с изучением восприятия в языке, дается общая информация об исследуемых сборниках. Во второй главе проведен анализ способов репрезентации ситуации зрительного и слухового восприятия с точки зрения формы и содержания. Третья глава представляет собой описание функциональной нагрузки высказываний с перцептивной семантикой в поэтическом тексте. В заключении подводится итог проводимого исследования, обобщаются полученные результаты.

1 Особенности восприятия и способы его выражения в языке

1.1 Общие представления о восприятии

«Восприятие» – один из главных терминов настоящей работы. Исследователь Е.А. Кубрякова отмечает, что он имеет длительные традиции своего исследования, но не имеет общепринятого толкования [Кубрякова, 1996, с. 17].

В широком смысле восприятием считается любое взаимодействие человека с внешним миром. В рамках перцептивного подхода в лингвистике восприятие трактуется в узком смысле и ограничивает поступающую в мозг человека информацию только той, которая предоставляется рецепторами. Поэтому в лингвистической литературе нередко можно встретить термины «чувственное восприятие», «ощущение» или «чувственное представление», понимаемые как полные или частичные синонимы по отношению к понятию «восприятие» [Двизова, 2014, с. 16].

По мнению Е.А. Кубряковой, восприятие способно охватывать широкий круг явлений и процессов, связанных как с простым осознанием того, что с человеком происходит в тот или иной момент, так и с обобщением чувственного опыта в виде окружающей его объективной действительности в образе мира и его отдельных фрагментов [Кубрякова, 1996, с. 43].

Согласно традиционному пониманию, процесс восприятия включает в себя несколько стадий: «1) обнаружение предмета в поле восприятия, 2) выделение в нем значимых для индивида свойств и признаков, 3) формирование чувственного образа в сознании воспринимающего – синтез этих признаков» [Демешкина, 2006, с. 5]. Восприятие становится определенным событием, которое реализуется не только в физической сфере, но и в интеллектуальной, чувственной, ирреальной [Ломоносова, 2004, с. 4].

По утверждению ученых, занимающихся исследованием когнитивных процессов, обнаруживается тесная связь восприятия и других мыслительных способностей человека [Кубрякова, 1996, с. 18]. Н.К. Рябцева говорит о том,

что ментальная сфера человеческой природы тесно связана с его другими системами, однако наиболее показательной оказывается связь с восприятием. Пять основных видов перцепции – зрение, слух, осязание, обоняние, вкус – способствуют распознаванию, пониманию и интерпретации явлений окружающей действительности. То есть, информация, поступающая в мозг человека посредством органов чувств, является неким материалом, обеспечивающим его работу [Рябцева, 2005, с. 228] . В соответствии с этим, представление о том, как человек познает мир, складывается из исследования сенсорных сигналов [Мерзлякова, 2003, с. 27]. Язык же, в таком случае, – это не точная копия реальности, а лишь отражение ее познания, осуществляемое человеком.

Слух и зрение считаются «базовыми» видами восприятия по причине их исключительной важности для жизни человека. Ю.Д. Апресян в своей работе демонстрирует главенствующее положение зрения и слуха относительно обоняния, вкуса, осязания по языковым данным и происходящим в языке процессам (количество обслуживающих подсистему лексем и происходящие в языке процессы метафоризации) [Апресян, 1995, с. 167].

«Модели высказываний с семантикой восприятия могут быть построены на различных основаниях: способе восприятия, степени активности или пассивности субъекта, прямом или переносном способе описания ситуации, принадлежности ее к разным сферам жизни (физическая, психическая, интеллектуальная, социальная) или по противопоставленности процесса и результата» [Демешкина, 2000, с. 35].

В представленной работе при анализе высказываний с семантикой зрительного (ЗВ) и слухового восприятия (СВ) внимание было сосредоточено в первую очередь на синтаксическом аспекте, так как он позволяет исследовать рассматриваемые конструкции как центральные языковые единицы с позиции репрезентации в них тех или иных ситуаций. В.А. Белошапкина, Т.В. Шмелева и другие исследователи определяют ситуацию

восприятия как реальность, воспринимаемую человеком при помощи органов чувств и представляемую на уровне предложения в виде пропозиции (В.А. Белошапкова, 1989; Т.В. Шмелева, 1994).

Пропозиция восприятия двухактантна – в ней обязательны субъект восприятия и его объект. Субъект – это всегда существо, объектом же может быть предмет, лицо или событие. Восприятие «помещается» преимущественно в психической сфере, но можно говорить о физическом и социальном восприятии [Шмелева, 1994, с. 16].

Процесс ЗВ и СВ может выражаться в тексте как предикативным, так и непредикативным способом. Для предикативного характерно использование базовых глаголов (*слышать / слушать, видеть / смотреть / глядеть*), а также глаголов других лексико-семантических групп; для непредикативного – употребление отглагольных существительных и прилагательных, а также причастий, деепричастий и наречий [Двизова, 2013, с. 208].

«Глаголы восприятия стоят у истоков сенсорной информации, которая представляет собой непосредственный отпечаток фрагментов мира, воспринимаемого органами чувств. Предикаты чувственного восприятия ориентированы на актуальное состояние мира в его предметном, процессуальном и событийном аспектах» [Моисеева, 2005, с. 15].

В настоящей работе внимание сосредоточено в первую очередь на предикативном способе выражения ЗВ и СВ, так как именно предикат является смысловым и структурным центром высказывания.

1.2 Зрительное восприятие и его отражение в языковой картине мира

«Зрение – категория универсальная, общечеловеческая и даже экзистенциальная» [Вежбицкая, 1996, с. 23]. Исследованию ЗВ, отраженного в языке, посвящено достаточное количество работ. В первую очередь следует назвать труды В.А. Кирилловой и М.Б. Примовой (1988), Ю.Д. Апресяна (1995), А. Вежбицкой (1996), Н.В. Моисеевой (1998), Н.Д. Арутюновой

(1999), Н.К. Рябцевой (2000), Н.С. Валгиной (2003), И.Ю. Колесова (2009) и др.

В русском языке пласт ЗВ можно назвать наиболее разработанным, так как об этом позволяет говорить разнообразие лексических единиц и синтаксических моделей, которые и способствуют созданию языковой картины мира.

Понятие «языковая картина мира» является одним из базовых в современной лингвистике. Оно играет главную роль в познавательной деятельности человека, представляет собой объёмное и многоярусное понятие, имеющее множество параметров, многократно пересекающихся в различных языковых единицах, которые относятся к разным уровням языка [Стефановская, 2012, с. 8].

По мнению Е.В. Рахилиной, одну и ту же ситуацию носитель языка может описывать по-разному в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком [Рахилина, 2000, с. 348].

«Зрительное восприятие с позиции языкового сознания трактуется в узком и широком смыслах (Е.В. Падучева, И.Ю. Колесов, С.А. Моисеева). В узком смысле – это сенсорный процесс, в широком плане – когнитивный, в рамках которого зрительное восприятие рассматривается, как способность интерпретировать и осмысливать» [Гарипова, 2013, с. 8].

Концепт «зрение» является ключевым в понимании человеком внеязыковой действительности, что, в свою очередь, находит отражение в языке. «Языковые средства, обозначающие процессы ЗВ, довольно часто употребляются носителями языка наряду с языковыми средствами, называемыми познавательные процессы. Таким образом, в когнитивной лингвистике были поставлены вопросы о том, каким видит человек, судя по языковым данным, окружающую его действительность, в каком виде она отражается в его голове» [Козюра, 2007, с. 62].

А. Вежбицкая так говорит о вербализации ЗВ: «Из того, что нам известно о "видении" в различных культурах, мы можем заключить, что в

большинстве культур употребление терминов, обозначающих "видение", сильно контекстно обусловлено, и зрительное восприятие описывается как сложное и интегральное, включая цвет, форму, фактуру и многие другие признаки, которые рассматриваются как неделимое целое» [Вежбицкая, 1996, с. 231–232].

Традиционно ЗВ играло очень важную роль в познании мира человеком. Следует сказать о том значении, которое придавали зрительным образам мыслители, начиная с эпохи античности и вплоть до сегодняшнего дня.

Со времен Платона и Аристотеля греки понимали познание именно как род видения, созерцания, и отношение к сущему они проясняли себе через зрение. То есть, чтобы убедиться в реальном положении тех или иных объектов и явлений, человеку нужно их увидеть или же представить в воображении ситуации, которые в своей основе содержат зрительные образы и метафоры. Таким образом, «визуальная составляющая тех или иных событий и процессов является своеобразным гарантом их присутствия в бытии» [Шаев, 2012, с. 75].

Считается, что ЗВ для человека является главным каналом поступления информации о внешнем мире. Подобная ведущая роль зрительной системы может определяться тем, что «она обеспечивает связь между всеми анализаторными системами и является функциональным органом – преобразователем сигналов. В процессе физического восприятия большинство информации человек получает именно благодаря зрению, а не слуху» [Стефановская, 2012, с. 8].

По мнению Т.Н. Козюры, практически в каждом художественном тексте эксплицитно или имплицитно присутствуют те или иные элементы зрительной системы [Козюра, 2007, с. 63]. Но последующее исследование позволяет говорить о том, что в познании окружающей действительности и его отражении в художественном пространстве автора не менее значимую

роль выполняет СВ, и только в совокупности этих видов перцепции человек получает основную долю знаний о мире.

1.3 Слуховое восприятие и его отражение в языковой картине мира

Слуховая сенсорная система, как было сказано ранее, является одной из ведущих в восприятии человеком внешнего мира. По-видимому, это связано с тем, что слух играет первостепенную роль в процессе общения людей [Апресян, 1995, с. 363]. Языковая репрезентация ситуации СВ исследуется в работах С.А. Моисеевой (2005), Е.А. Слободян (2007), О.Ю. Авдевиной (2014) и др.

Объектом СВ является звук. В русском языке изучению звука посвящены следующие научные труды: И.Р. Абдуллина (1999), И.В. Пархоменко (2000), Н.А. Мишанкиной (2002), Е.В. Падучевой (2006), Т.А. Демешкиной, Н.А. Верхотуровой, Л.Б. Крюковой, Н.В. Куриковой (2006), Н.А. Курашкиной (2007, 2009), В.И. Казариной (2016) и др.

Исследователь С.В. Стефановская в своей работе говорит о том, что «развитие слухового образа связано в первую очередь с непрерывной дифференциацией "звуковых" и "незвуковых" предметов. Являясь объектом СВ, звук наименее материален и в меньшей степени связан с объектом в сравнении с основным объектом зрительного восприятия – зрительным образом. При восприятии звука субъект в большей степени пассивен, активность не выражается определёнными телодвижениями, движениями органами слуха – никаких внешних проявлений, а выражается лишь в абстрактном движении – слушать – "направлять слух на какие-либо звуки"» [Стефановская, 2012, с. 8].

«Звучание – универсальная понятийная категория, природу которой определяет воспринимаемое слуховым аппаратом физическое явление, вызываемое волнообразно распространяющимся колебательным движением материальных частиц воздуха или любой упругой среды, отраженное в

сознании наблюдателя и квалифицируемое как звук. Представленная в языке лексическими и синтаксическими средствами, эта категория формирует одну из значимых в русской лингвокультуре языковых картин мира» [Казарина, 2016, с. 1].

Звук считается одним из основных регуляторов поведения и деятельности человека. Ориентирование в пространстве складывается как из выделения предметов посредством зрения, так и из их локализации на основе слуха.

СВ при выражении в языке может быть как активным (*слушать*), так и пассивным (*слышать*). Воспринимающий оценивает качество звуков, а также степень их громкости, поэтому звуковой образ обладает сложным комплексом характеристик и может быть интерпретирован с разных точек зрения [Двизова, 2013, с. 103].

Классификация всех звуков в соответствии с природой их источников позволяет выявить наиболее характерные признаки и аспекты объекта СВ. Благодаря представлению о том, как и какие именно звуки окружающего мира воспринимает человек, оказывается возможным воссоздание фрагмента картины мира, получение определенной информации о мире звуков, который окружает человека. «В процессе деятельности человека и наблюдения за явлениями окружающей действительности звуки, шумы, голоса людей, животных и птиц создают особую картину мира – слуховую, которая составляет основу восприятия окружающей среды и сопровождает основные сферы человеческой деятельности» [Стефановская, 2012, с. 9].

Таким образом, модальность СВ может быть отражена в двух типах предикатной лексики – в лексике слуха (обозначения процессов СВ) и в лексике звучания. Если говорить о лексике звучания, то следует отметить, что в литературном языке она богата и разнообразна. В ней выделяются предикаты-глаголы, которые обозначают процесс звучания, и предикаты-прилагательные, характеризующие те или иные качества звука [Васильев, 2003, с. 17].

Номинации слуха и звука исследуются гораздо реже, чем номинации зрительных ощущений. Как правило, глаголы звука и глаголы СВ рассматриваются отдельно друг от друга.

ЗВ и СВ – важнейший инструмент познания и описания мира в поэтическом тексте, поэтому моделирование ситуации восприятия происходит в соответствии с эстетической концепцией автора, образно воплощенной в тексте [Болотнова, 2004, с. 31].

В соответствии с этим, можно привести мнение А.В. Бондарко о том, что «изображенная действительность в тексте предстает как открывшийся автору образ зримого и слышимого мира. Поэтический текст имплицитно потенциальную воспроизводимость этого образа в каждом акте прочтения данного произведения. Перцептивность, отражающая взаимосвязь времени, пространства и точки зрения наблюдателя, в стихотворных текстах оказывается связанной с поэтическим временем, поэтическим пространством, поэтическим "я"» [Бондарко, 2004, с. 279].

1.4 Сборники «Вечерний альбом» и «После России» в поэтическом творчестве М. Цветаевой

Л.О. Овчинникова в своей работе пишет о том, что чувственный опыт играет значительную роль в формировании ценностной картины мира автора, реализуясь как способность получать какую-либо информацию об окружающем мире через органы чувств человека, а, значит, позволяя познавать внутреннюю связь вещей, а также как свидетельство насыщенности внешнего мира различной информацией. «Каждое отдельное сенсорное ощущение несет в себе определенное "сообщение" и характеризуется высокой аксиологической значимостью» [Овчинникова, 2008, с. 3].

На поэтическом материале исследование процессов восприятия дает возможность расширить круг представлений и об универсальных, и об уникальных способах вербализации в языке категории восприятия. «В

содержательно-концептуальном плане художественный текст несет на себе печать как неповторимого эстетического осмысления окружающего мира конкретной авторской личностью с ее особыми целями и мотивами, культурологическим тезаурусом и выражающими их ассоциациями, так и соотносительности с культурными константами, с поэтической картиной мира в ее текстовом воплощении» [Болотнова, 2004, с. 32].

Исследования поэзии Серебряного века показывают, что одной из основных особенностей этого периода является перцептивность картины мира, представленной в текстах. В творчестве того или иного автора преобладают чувственные образы, полученные при помощи пяти известных способов восприятия (И.М. Ландсман, 1984; Л.В. Зубова, 1989; П.Н. Кочетков, 1992; Ю.А. Карташова, 2004; Р.В. Алимпиева, С.В. Таран, 2012 и др.).

Именно Серебряный век знаменует начало творческого пути М. Цветаевой, хотя ее поэзию сложно и даже невозможно отнести к какому-либо определенному течению в литературе.

М. Цветаева родилась в 1892 г., в семье людей, в большой степени преданных науке и искусству. Её отец, Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, известный филолог и искусствовед. Важным делом в его жизни было создание Музея изящных искусств. Мать, Мария Александровна, была талантливой пианисткой, для которой книги и музыка играли большую роль. «И если влияние отца до поры до времени оставалось скрытым, то мать страстно и бурно занималась воспитанием детей до самой своей ранней смерти, - по выражению дочери, завела их музыкой: "После такой матери мне осталось только одно: стать поэтом"» [Швейцер, 2007, с. 37].

Стихотворения М. Цветаева начала писать рано, с шести лет, не только на русском, но и французском, немецком языках. В 1910 г., втайне от семьи, она собрала стопку стихотворений и отнесла в типографию А.И. Мамонтова. Заплатив за печатанье 500 экземпляров, через месяц М. Цветаева уже

держала в руках книгу под названием «Вечерний альбом». Этот сборник заметили и одобрили такие влиятельные критики, как В. Брюсов, Н. Гумилёв, М. Волошин. В альбоме поэт облекает свои мысли, чувства и переживания в лирические стихотворения о невозвратности того, что прошло, о несостоявшейся любви, о верности любящей.

Последний прижизненный сборник стихотворений «После России» вышел в печати в Париже в 1928 г. и включает в себя поэтические тексты 1922–1925 гг. Книга состоит из двух разделов: «Тетрадка первая» и «Тетрадь вторая». По словам Т.М. Геворкян, «это своего рода лирический дневник, только акцентированный и тщательно организованный» [Геворкян, 2012, с. 11]. Внутри двух больших разделов М. Цветаева выделяет стихотворения по годам: в «Тетрадку первую» входят тексты с июня 1922 по май 1923 г., в «Тетради второй» дополнительного указания даты нет, стихотворения продолжаются с 1923 г. В подразделе 1922 г. поэт указывает два топоса: «Берлин» и «Прага».

Одним из основных принципов поэтического языка М. Цветаевой можно назвать «триединство, которое предполагает взаимообусловленность звука, смысла и слова. М. Цветаева стремилась реализовать в поэзии форму "словесного колдовства", игру звука, музыки и всё богатство потенций смысла» [Маслова, 2000, с. 22]. Такая взаимообусловленность реализуется в её произведениях через синтаксические, лексические, пунктуационные и морфологические средства выразительности.

Язык поэзии автора характеризуется усложненным синтаксисом, ритмикой, строфикой, многоплановостью слова, ассоциативностью. «Ритмы цветаевской поэзии неповторимы. Это пульс внезапно обрывающийся, прерванные фразы, буквально телеграфная лаконичность» [Маслова, 2000, с. 22].

Ситуация восприятия становится смысловым центром многих стихотворений М. Цветаевой. Названия некоторых из них задают «определенную чувственно-образную доминанту, развивающуюся и

усиливающуюся в дальнейшем разворачивании текста, подсказывая тем самым читателю некий содержательный "код" текста» [Двизова, 2013, с. 61]. Преимущественно, это ЗВ в сборнике «Вечерний альбом». К примеру: «*В сумерках*», «*Дама в голубом*», «*Книги в красном переплёте*», «*Луч серебристый*», «*Зелёное ожерелье*», «*Оба луча*», «*Rouge et bleue*» («*Красное и голубое*», фр.) и др. И СВ в книге «После России»: «*Ночные шепота: шелка...*», «*Не надо ее окликать...*», «*Вереницею певчих свай...*», «*О всеми голосами раковин...*», «*Так вслушиваются (в исток...)*» и др.

Для поэтического мира М. Цветаевой важным является указание на сам процесс ЗВ и СВ, характеристики объектов и явлений относительно глаз и ушей лирического героя. Чтобы проследить, как перцептивная семантика реализуется в текстах автора, следует перейти к анализу высказываний с рассматриваемым значением, представленному во второй главе.

2 Средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэтических текстах М. Цветаевой

2.1 Структурно-семантическая организация высказываний с семантикой зрительного восприятия

2.1.1 Высказывания с семантикой зрительного восприятия в сборнике «Вечерний альбом»

В параграфе 1.1. уже упоминалось о том, что в настоящей работе речь идет о способах репрезентации чувственного восприятия явлений окружающей действительности на языковом и, в частности, синтаксическом уровне.

Принципиальное значение для предлагаемого исследования имеет основное положение семантического синтаксиса: «смысл предложения не есть сумма значений составляющих его слов, это некое особое образование, имеющее собственную организацию, диктующее свои требования лексике и морфологическим формам, заставляя их выступать в тех или иных значениях, а иногда "навязывая" как будто бы им не свойственные» [Шмелёва, 1994, с. 4].

Наиболее распространенная модель высказывания, отражающего ситуацию ЗВ, включает в себя следующие элементы: субъект восприятия (чаще всего выраженный личным местоимением 1-го или 3-го лица или существительным в именительном падеже), предикат – спрягаемый глагол, употреблённый в одном из своих значений, и объект – некий предмет, воспринимаемый органами зрения (при глаголах активного ЗВ объект выражен косвенным дополнением, при глаголах пассивного – прямым). В качестве дополнительного актанта чаще всего присутствуют локатив и квалификатор действия [Двизова, 2014, с. 66].

Например: *Все тесней проклятое кольцо, / Мстит судьба богине полусветской... / Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской / Заглянул тебе, грустя, в лицо...* («Дама с камелиями»), или: *По тебе тоскует наша зала, / –*

Ты в тени ее видал едва – / По тебе тоскуют те слова, / Что в тени тебе я не сказала («По тебе тоскует наша зала...»).

Несмотря на то, что высказывания, отражающие ситуацию ЗВ, органично вплетаются в ткань стихотворных текстов М. Цветаевой, основная модель встречается в ее произведениях довольно редко. Зачастую, один из компонентов этой схемы опущен. В первую очередь таким элементом становится субъект: *Чуть завизижу знакомый вдали силуэт, – / Бьется сердце то чаще, то реже... / Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет! / И глаза твои, грустные, те же («Не гони мою память! Лазурны края...»).* В определённо-личных предложениях информация о субъекте «заложена» в предикате.

В поэтических текстах М. Цветаевой встречаются конструкции, в которых одновременно опущен и субъект, и объект восприятия. Тем не менее, данные элементы можно «восстановить» как на формальном, так и на содержательном уровне: – *«Забилась в угол, глядишь упрямо. / Скажи, согласна? Мы ждем давно». / – «Ах, я не знаю. Оставьте, мама! / Оставьте, мама. Мне все равно!» («На земле»).* Помимо глагола *глядишь*, в высказывании употребляется наречие *упрямо*, которое характеризует сам процесс ЗВ.

Для более подробного анализа высказываний с семантикой ЗВ следует перейти к рассмотрению отдельных компонентов. Как известно, конструкции со значением восприятия формируются в первую очередь предикатами, обозначающими процесс или результат восприятия (Г.А. Золотова, 1982; Т.А. Демешкина, 2000 и др.). Базовыми, или ядерными глаголами ЗВ в современном русском языке являются глаголы *(у)видеть*, *(по)смотреть*, *(по)глядеть*. Они образуют оппозиции с точки зрения активности и пассивности восприятия [Ван Сяохуань, 2014, с. 18].

В поэзии М. Цветаевой визуальные глаголы представлены довольно широко. В данной работе рассматриваются только те значения, которые характерны для поэтических текстов автора.

В семантике базовых глаголов визуального восприятия различаются два компонента: собственно перцептивный, то есть связанный с физиологическим восприятием, и ментальный – осознание воспринятого (см. параграф 1.2.).

Ю.Д. Апресян, исследуя вопрос лингвистического сближения систем восприятия и интеллектуальной деятельности, отмечает: «Было давно замечено, что восприятие и мышление настолько уподобляются друг другу и настолько прорастают друг в друга, что основной глагол восприятия – *видеть* – развивает главные ментальные значения» [Апресян, 1995, с. 365].

В зависимости от активности одного из двух компонентов глагол *видеть* реализует перцептивное или ментальное значение. В текстах М. Цветаевой встречается только одно перцептивное значение глагола *видеть* – «воспринимать глазами, зрением» [МАС, 1999, Т. 1, с. 173]: *Молвил – и **видит**: из сумрачных чащ / Дама идет через луг: / Легкая поступь, синеющий плащ, / Блеск ослепительных рук («Дама в голубом»)*. Не смотря на то, что в высказывании употребляется предикат *молвил*, относящийся к сфере СВ, зрение все же занимает в нем ведущую смысловую позицию. Глагол *видеть* выступает как нейтральный, отражающий физиологическую способность человека использовать глаза для взаимодействия с внешним миром.

Помимо глагола следует обратить внимание и на другие языковые единицы, а именно: на прилагательное *сумрачных*, придающее контексту семантику неясного, нечёткого ЗВ; на причастие *синеющий*, говорящее о процессе проявления цвета; на словосочетание *блеск ослепительных рук*, каждое слово которого усиливает зрительную семантику другого.

Что касается ментальности, то она представлена в значении – «сознавать, понимать, чувствовать» [Там же, с. 174]: *Всё **видит**, всё знает твой мудрый зрачок. / Сердца тебе ясны, как травы («Добрый колдун»)*. Глагол *видеть* отражает духовное зрение, способность проникать в сущность

чего-либо, подмечать что-либо, а употребление словосочетания *мудрый зрачок* лишь помогает выразить этот смысл.

В поэтических текстах встречаются высказывания, в которых предикат, выраженный глаголом *видеть*, реализуется в переносном значении: – «*Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо огня: / Так уютней – Забыла сейчас все слова я*»... / **Видят** беглые тени трамвая / На диване с тобой – не меня! («*Так будет*»). Явное олицетворение помогает лучше понять глубину переживаний лирической героини. Причём важным здесь является ещё и то, что способность *видеть* даётся не трамваю, а теням. Само это существительное уже подразумевает восприятие зрением, а в сочетании с рассматриваемым предикатом оно лишь усиливает перцептивную семантику. Следует также обратить внимание на прилагательное *беглые*, которое позволяет говорить о ЗВ, осуществляющемся мельком, украдкой.

В процессе исследования были выделены высказывания, в которых в качестве предиката употребляется форма от глагола *видеть* – *видать*, в значении «неоднократного видения чего-либо, встречи с чем-либо или кем-либо» [МАС, 1999, Т.1, с. 173]. К этому, несомненно, прямому значению присоединяется в текстах поэта и переносный смысл. К примеру: *Темная ель в этой жизни видала так много / Слишком красивых, с большими глазами, детей* («*Ricordo di Tivoli*»). Олицетворение, изображение большого жизненного опыта, полученного посредством зрения, употребление прилагательного *тёмная* способствует передаче семантики ЗВ.

Глагол *глядеть* также отражает ситуацию получения информации посредством зрения, реализуясь в прямом значении: «быть обращённым, направленным в какую-либо сторону, куда-либо» [МАС, 1999, Т.1, с. 318]: *О, сколько глаз из этих окон / Глядели вслед ему с тоской, / И скольких за собой увлёл он / Туда, где радость и покой!* («*В Кремле*»). Усиление семантики восприятия происходит за счёт употребления существительного *глаза*, а также выраженных в них чувств.

Переносное же значение напрямую связано с контекстом: *К детским снам клонясь неутомимо, / (Без тебя лишь месяц в них глядел!) / Ты вела своих малюток мимо / Горькой жизни помыслов и дел («Маме»)*. Олицетворение указывает на некую значимость, исключительность, то, что способен сделать не каждый.

Следует так же отметить употребление лексических единиц, производных от глагола *глядеть*. К примеру, глагол *заглянуть*, использующийся в переносном значении: *Дай нам в душу тебе заглянуть / В той лиловой, той облачной комнате! («Второе путешествие»)*. *Заглянуть в душу* предполагает некую глубину познания, то, что не узреть посредством мимолетного, беглого взгляда, что требует определенного внимания. Прилагательное *лиловой*, являющееся цветообозначением, также сообщает о процессе ЗВ.

Что касается глагола *смотреть*, то в текстах М. Цветаевой он реализуется только в переносном значении: – *«Не правда ли, милый, так смотрят портреты, / Задетые белым крылом?» («Её слова»)*. Можно сделать предположение, что в контексте представлена следующая ситуация: с одной стороны, *так смотрят* люди, изображенные на этих портретах, и это придаёт им лишь некоторый оттенок одушевлённости, с другой же стороны, *так смотрят* сами картины, и тогда становится заметным явное олицетворение, перенос свойств живых существ на неживые предметы.

Таким образом, ядерные глаголы *глядеть*, *смотреть*, составляющие основу высказывания, обозначают направленное активное восприятие субъекта, что отличает их от глаголов *видеть* и *видать*, рассмотренных ранее.

Помимо базовых в текстах М. Цветаевой встречаются высказывания с приядерными глаголами. Данная группа контекстов в представленной работе может быть разделена на несколько подгрупп:

1. Конструкции, включающие предикаты с семантикой проявления цвета *зеленеть*, *голубеть*, *желтеть*, *белеть*, *золотить*: *В светлой чаще*

берез, где просветами / Голубеет сквозь листья вода, / Хорошо обменяться ответами, / Хорошо быть принцессой. О да! («Лесное царство»); Мама плачет. На колени / Ей упал цветок. / Солнце нежит взгляд и листья, / **Золотит** незримой кистью / Каждый лепесток. / – Только там, за домом, тени... («Мама в саду»). В приведенных контекстах посредством проявления цвета находит своё отражение природный мир, с которым активно контактируют лирические герои. С синтаксической точки зрения, эти контексты отличаются: если первый сообщает о проявлении признака (*голубеет вода*), то второй – о воздействии на предмет (*солнце золотит лепесток*).

Отдельно следует сказать о таких единицах, как *темнеть (темнеет)* и *бледнеть (бледнеет)*: *Нас двое над темной роялью / Склонилось, и кра́дется жуть. / Укутаны маминой шалью, / Бледнеем, не смеем вздохнуть* («В зале»); **Темнеет...** В воздухе свежо... / Том в счастье с Бэки полон веры. / Вот с факелом Индеец Джо / Блуждает в сумраке пещеры... («Книги в красном переплёте»). В высказывании с предикатом *бледнеем* прослеживается связь с эмоциональными переживаниями, в то время как *темнеет* является результатом восприятия окружающего мира.

На границе между этой подгруппой и следующей находятся такие контексты, как: **Бледнея** гасли в небе зори, / **Темнел** огромный дортуар; / Ей снилось розовое Гори / В тени развесистых чинар... («Памяти Нины Джаваха»). Деепричастие *бледнея* отражает явление затухания либо проявления чего-то далекого и неясного, размытого; глагол *гасли* моделирует ситуацию полного исчезновения, абсолютного затухания, а предикат *темнел* в этом случае противопоставлен им, обозначая усиление цвета. Происходит игра на контрастах.

Спускаются длинные тени, / Горят за окном фонари, / **Темнеет** высокая зала, / Уходят в себя зеркала... («В зале»). Языковая единица *горят* используется М. Цветаевой в значении проявления чего-то яркого, ясно

зримого, в то время как *темнеет* – исчезновение яркости, отражение чего-то менее различимого, того, что можно увидеть, прилагая определенные усилия.

2. Конструкции, включающие предикаты с семантикой горения (зажигания) / затухания (угасания).

Для данной подгруппы выделены следующие единицы: *(по)гаснуть, гореть (загораться), зажигать (зажечься)*. Они находят своё отражение в следующих контекстах: *В пятнах губы, фартучек и платье, / Сливу руки нехотя берут. / Ярким золотом **горит** распятые / Там, внизу, где склон дороги крут («Как мы читали «Lichtenstein»»); В моих глазах тоской о чуде / Такая ненависть **зажглась**, / Что этих слишком гневных глаз, / Не вынося, боялись люди («Потомок шведских королей»)*. Рассматриваемые предикаты в высказываниях реализуют как ситуацию отражения явлений окружающей действительности, так и метафорическое выражение чувств лирических героев. Зачастую это негативные эмоции: тоска, гнев, ненависть.

В ходе работы были отмечены высказывания, стоящие на границе этой подгруппы и следующей. Например: *Последний луч давно **погас**, / В краях последних тучек тая, / **Мелькнуло** облачко-Пегас, / И рыб воздушных скрылась стая («Первое путешествие»)*. Реализуется ситуация как полного отсутствия ЗВ (глагол *погас*), так и неясность, неуловимость, отрывочность впечатлений (глагол *мелькнуло*).

3. Конструкции, включающие предикаты с семантикой проявления отрывочности, мимолетности явлений.

Основанием для выделения данной подгруппы послужило употребление единицы *мелькнуть*: *И месяц меж стеблей травы / **Мелькнул** в воде, как круг эмали... / Он был так близок, но увы – / Его мы в сети не поймали! («Первое путешествие»); В платье голубом / **Мелькает** Ася с Карлом там, у ивы («Отъезд»)*. В этих высказываниях своё отражение находит мимолётное, нечёткое восприятие органами зрения конкретных физических явлений. Они становятся практически неуловимыми для глаз человека.

Таким образом, конструкции с приядерными глаголами ЗВ могут способствовать как отражению эмоционального состояния человека, так и проявлению материальных или природных явлений окружающей действительности. Важным оказывается то, что они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Помимо этих глаголов М. Цветаевой используется в текстах значительное количество высказываний (20) с глаголами других лексико-семантических групп, контекстное окружение которых свидетельствует о моделировании ситуации ЗВ, а также конструкций, в которых глагол опущен (20).

Выделяется подгруппа, в которой позицию предиката занимает краткое прилагательное: *Рот как кровь, а глаза зелены, / И улыбка измученно-злая... / О, не скроешь, теперь поняла я: / Ты возлюбленный бледной Луны («Чародею»); Нам к сокровищам бездн все дороги открыты, / Наши жадные взоры не сыты («Зелёное ожерелье»); – Быть может и правда, но темен мой взор, / Я тайна, а тайному верь! («Колдунья»)*. Краткие прилагательные выполняют характерологическую функцию по отношению к существительным с явной семантикой ЗВ. Такая характеристика может быть как физической, так и эмоциональной, психической.

Ещё одной подгруппой становится та, в которой центральное положение в высказывании занимает деепричастие: *Держала мама наши руки, / К нам заглянув на дно души. / О, этот час, канун разлуки, / О предзакатный час в Оичу! («Оичу»)*. Смысловым центром контекста становится мотив проникновения, углубления, познания того, что скрыто. *Целый вечер играли и тешились мы ожерельем / Из зеленых, до дна отражающих взоры, камней. / Ты непрочную нить потянул слишком сильно, / И посыпались камни обильно, / При паденьи сверкая сильней. / Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям («Зелёное ожерелье»)*. Деепричастие служит проявлению яркости, заметности, того, что явно бросается в глаза. Следует также отметить явление чистоты,

незамутненности, ясности, которое присутствует в характеристике камней: *Из зеленых, до дна отражающих взоры, камней.* Оно напрямую связано со ЗВ.

Таким образом, проведенный анализ контекстов свидетельствует о том, что ЗВ в сборнике «Вечерний альбом» занимает важную позицию в процессе познания лирическими героями окружающего мира, а также выражения их эмоциональной, психической реакции на явления действительности. Примечательным оказывается частотное употребление конструкций, в центре которых находится ситуация проявления цвета, отрывочности, мимолетности явлений или их полного исчезновения для глаз человека.

В ходе исследования было замечено, что ситуация ЗВ не теряет своей значимости и в поэтических текстах позднего периода творчества автора. Лирические герои М. Цветаевой продолжают активно прибегать к зрению при соприкосновении с теми или иными сферами жизни, людьми, природой и т.д.

2.1.2 Высказывания с семантикой зрительного восприятия в сборнике «После России»

Если продолжить рассматривать структуру высказываний, отражающих семантику ЗВ в целом, то можно заметить, что классическая синтаксическая модель в сборнике «После России» встречается по-прежнему редко (7 контекстов). К примеру: *Так в воздухе, который синь – / Жажда, которой дна нет. / Так дети, в синеве простынь, / **Всматриваются в память** («Так вслушиваются»); *В час, когда мой милый гость... / – **Господи, взгляни на нас!** – / Были слезы большие глаз / Человеческих и звезд / Атлантических... («В час, когда мой милый брат»).**

Зачастую один из компонентов – субъект – опущен: *Держаться. – Шпалы. – От стольких уст / Устала. – **Гляжу на звезды** («Поезд жизни»).* Тем не менее, отсутствие субъекта действия не препятствует общему

пониманию смысла, так как сама форма глагола в определенно-личном предложении указывает на недостающий элемент.

Встречаются и такие контексты, в которых одновременно отсутствуют и субъект, и объект действия, либо они употреблены в разных частях высказывания: (*Час, когда не вижу рук*) / *Души начинают видеть* («*Час, когда вверху цари*»). Предикат в таких предложениях часто стоит в повелительном наклонении: *Дыши да не дунь*, / *Гляди да не глянь*. / *Волынь-криволунь*, / *Хвалынь-колывань* («*Колыбельная*»). Это способствует выражению призыва, желанию обратить внимание кого-либо на то или иное действие, событие, факт и т.д.

Для более детального анализа следует перейти к рассмотрению отдельных элементов высказывания. Как упоминалось ранее, ядерными глаголами в русском языке являются глаголы *(у)видеть*, *(по)смотреть*, *(по)глядеть*. В рассматриваемом сборнике было выделено 25 контекстов, содержащих указанные предикаты и производные от них слова.

В большинстве высказываний – 15 – центром становится глагол *глядеть* или же образованные от него *взглянуть*, *вглядываться*, *выглядывать* и *оглядываться*. Рассматриваемый предикат реализуется в контекстах в своем основном значении, то есть подразумевает под собой процесс обращения внимания в какую-либо сторону. Чтобы увеличить вероятность достижения желаемого результата, глагол употребляется в повелительном наклонении. Лирическая героиня (герой) М. Цветаевой буквально призывает, показывает необходимость осуществления данного процесса в нужном ей (ему) направлении. Бывает и так, что привлекается внимание не конкретного лица, а людей в целом: *Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли? / Заготавливайте – чан! / Я державную рану отдам до капли! / (Зритель бел, занавес рдян)* («*Занавес*»). Усилению семантики ЗВ в предлагаемом контексте служит и употребление существительного *зритель* вкупе с цветовыми обозначениями *бел* и *рдян*.

Рассматриваемый глагол реализуется и в переносном значении, способствуя передаче семантики пристального внимания, направленного не на материальный предмет, а вглубь метафизических вещей или явлений: *Час обнажающихся верховий, / Час, когда в души глядишь* – как в очи («Ночь»). Показательным становится и то, что проводится сравнение с очами (глазами), это даёт возможность говорить о связи ЗВ и духовных составляющих жизни.

Повелительное наклонение встречается и в конструкциях, где центром выступают образованные от рассматриваемого предиката слова. В первую очередь это глагол *взглянуть*. Он способствует как обращению внимания определенного лица в конкретном направлении: *Принц Гамлет! Довольно червивую залежь / Тревожить... На розы **взгляни!*** («Офелия – в защиту королевы»), так и выражению в какой-то степени отчаянного призыва, обращенного к высшим силам: *В час, когда мой милый гость... / – Господи, **взгляни** на нас! – / Были слезы больше глаз / Человеческих и звезд / Атлантических... («В час, когда мой милый брат»).*

Выделяются и такие контексты, в которых смысловым центром становится призыв не замечать те или иные явления, события и т.д. Подобная стратегия реализуется при помощи глагола *вглядываться*: *О, **не вглядывайся!** Под листвой падучей / Сами – листьями мчим! / Прав, что слепо берешь. Это только тучи / Мчат за ливнем косым («Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу»).* Отрицание, наречие *слепо*, а также восклицание сигнализируют о том, что не следует прилагать усилия, чтобы заметить, разглядеть нечто, важное для лирической героини.

Что касается глаголов *оглядываться* и *выглядывать*, то в высказываниях они способствуют выражению желания что-либо отчаянно увидеть. Это желание осуществляется не напрямую, а как будто бы украдкой, втайне: *Такая власть над сбивчивым / Числом у лиры любящей, / Что на тебя, небывший мой, / **Оглядываюсь** – в будущее!* («Брожу – не дом же плотничать»). Обращает на себя внимание и то, что это желание связано как с намерением заглянуть в будущее, так и с конкретным явлением или

предметом: *Под занавесом дождя / От глаз равнодушных кроюсь, / – О завтра мое! – тебя / **Выглядываю** – как поезд / **Выглядывает** бомбист («Побег»)*. В приведенном примере дважды употребляется предикат *выглядывать*, но с разными оттенками значения: в первом случае он отражает ситуацию ожидания чего-то нематериального, во втором же – определенного объекта. Глагол *выглядывать* включает в себе семантику ЗВ, направленного вперед, в то время как *оглядываться* – явно указывает на обратное. Тем не менее, не смотря на противоположность, оба высказывания позволяют говорить об устремленности в едином направлении, в будущее.

Следует отметить, что встречаются случаи, когда в поэтических строках М. Цветаевой два предиката, составляющие основу высказывания, оказываются тесно связанными: *Так через радугу всех планет / Пропавших – считал-то кто их? – / **Гляжу и вижу** одно: конец. / Раскаиваться не стоит («Поезд жизни»)*. И тот, и другой глагол несут в себе семантику ЗВ, но первый из них подразумевает под собой непосредственно процесс, в то время как второй – результат. Можно сказать, что действие *глядеть* связано с органами чувств, а *видеть* – с тем, что осмысливается после получения информации посредством глаз, то есть с ментальной сферой. Таким образом, в контексте содержится только один объект, но «подходы» к нему несколько отличаются.

Глагол *видеть*, а также производные от него *видать* и *увидеться*, в контекстах, несущих в себе только семантику ЗВ, встречаются 8 раз, причем, в пяти случаях предикат употребляется с отрицательной частицей *не*. Отрицание дает основание говорить о двух функциях, реализующихся в высказываниях:

1. Отсутствие возможности видеть те или иные явления: *Через дыхание... (Перси взмыли, / Веки **не видят**, вокруг уст – слюда...) / Как прозорливица – Самуила / Выморочу – и вернусь одна («Не чернокнижница! В белой книге»)*.

2. Нежелание лирической героини видеть что-то или быть замеченной: *Дабы ты меня не видел – / В жизнь – пронзительной, незримой / Изгородью окружусь («Дабы ты меня не видел»).*

Глагол *смотреть* употребляется единожды: *Рухнули у – стои: / Зарево? Кровь? Нимб? / Так же **смотрел** на Трою / Весь О – лимп («С этой горы, как с крыши»).* В предлагаемом высказывании рассматриваемый предикат реализуется в прямом значении, однако употребление в качестве субъекта действия сочетания *весь Олимп* указывает на мифологическую составляющую изображаемого процесса.

Дважды в поэтических строках М. Цветаевой встречается глагол *всматриваться*. В первую очередь он выступает в своем прямом значении: «напрягать зрение и внимание, чтобы рассмотреть что-либо» [МАС, 1999, Т. 1, с. 232]: *Некоторые не спят: / **Всматриваются** – и в скры- / тнейшем лепестке: не ты! («Некоторым – не закон»).* В другом же случае данный предикат вкупе с контекстным окружением развивает переносное значение, репрезентируя ситуацию погружения в воспоминания: *Так в воздухе, который синь – / Жажда, которой dna нет. / Так дети, в синеве простынь, / **Всматриваются** в память («Так вслушиваются»).* Сочетания *воздух синь, в синеве простынь* лишь усиливают семантику ЗВ.

Далее следует обратиться к рассмотрению конструкций, центром которых выступают приядерные глаголы. В процессе исследования были выделены следующие: *(у)зреть, озирать, светить, слепнуть.*

В первую очередь обращает на себя внимание предикат *зреть*, включающий в себя, согласно словарю, несколько значений: «видеть»; «смотреть, глядеть» [МАС, 1999, Т. 1, с. 622]. Примерами могут служить высказывания: *Но **узришь!** То, что в мире – век / Смежение – рожденье в свет («Сивилла – младенцу»); Сновидеть: рай Давидов / **Зреть** и Ахиллов ишем / Священный, – стен не видеть! / В постель иду – затем... («В мозгу ухаб пролёжан»).* Этот глагол наиболее близко располагается к ядерной группе и благодаря контекстному окружению может сочетать в себе

несколько смыслов одновременно: и процесс зрения, и его непосредственный результат.

Рядом с ним можно расположить предикат *озирать*, то есть «окидывать взглядом, обозревать» [МАС, 1999, Т. 2, с. 602]. Он встречается в контексте: *Ибо с гордыни своей, как с кедра, / Мир **озираю**: плывут суда, / Зарева рыщут... Морские недра / Выворочу – и верну со дна!* («*Не чернокнижница! В белой книге*»). В приведенном примере к прямому значению глагола добавляется оттенок переносного, заключающегося в том, что лирическая героиня воспринимает мир субъективно, с помощью своих чувств и черт характера, с позиции, которую можно сравнить лишь с величественным кедром. Это не ситуация окидывания взглядом конкретных предметов, явлений и т.д. в буквальном смысле, а нечто, оторванное от реальной действительности.

Глагол *светить* также несет в себе семантику ЗВ. Свое основное значение – «излучать свет» – этот предикат при помощи контекстного окружения переводит в план метафорический [МАС, 1999, Т. 4, с. 46]. К примеру: *Так **светят** седины: / Так древние главы семьи – / Последнего сына, / Последнейшего из семи* («*Осенняя седость*»). «Свечение седин» в приведенном контексте указывает на наличие жизненного опыта и багажа знаний, которые оказываются доступными лишь в определенном возрасте.

Последним из этой группы является глагол *слепнуть*: *Точно в ноздри и губы – пыль / Геркуланума... Вяну... **Слепну**... / Инполит, это хуже пил! / Это суше песка и пепла!* («*Жалоба*»). Употребление названия древнеримского города *Геркуналума*, переставшего существовать еще в античные времена, в сочетании с существительными *пыль, песка и пепла*, а также явный призыв к *Инполиту* позволяет говорить о переносном значении рассматриваемого предиката, а не о буквальной потере зрения.

Помимо ядерных и приядерных встречаются и глаголы других лексико-семантических групп. Благодаря своему контекстному окружению эти слова приобретают значение ЗВ, чему в первую очередь способствует

употребление существительных *глаза, взгляд и очи*. Примерами могут служить высказывания: *Не чернокнижница! В белой книге / Далей донских навострила взгляд!* («Не чернокнижница! В белой книге»); *Так, под упорством глаз – / Владением бесплотнейшим / Какая разлилась / Россия – в три полотнища!* («Рассвет на рельсах»); *Краем плаща... За стойками – / Краем стекла... (Хоть краешком / Стекла!) Мертвец настойчивый, / В очах – зачем качаешься?* («Брожу – не дом же плотничать»).

В ходе исследования были выделены и такие конструкции, в которых нет глаголов, однако употребляются наречия, причастия, деепричастия, существительные и прилагательные, так или иначе содержащие или подразумевающие семантику ЗВ. Подобные высказывания можно разделить на несколько групп в соответствии с их значением:

1. Конструкции, включающие в себя слова с семантикой излучения света. К примеру: *...Уже и не светом: / Каким-то свеченьем светясь... / Не в этом, не в этом / ли – и обрывается связь* («Осенняя седость»). Многократное употребление существительных и деепричастия с рассматриваемым значением способствует усилению зрительной составляющей.

2. Конструкции, содержащие в себе номинации цвета, которые можно разделить на несколько подгрупп:

а) употребление прилагательного *золотой* и его производных: *Я сегодня в новой шкуре / Вызолоченный, седьмой!* («Здравствуй! Не стрела, не камень»).

б) использование существительного *серебро*, прилагательного *серебряный* и его производных. При анализе высказываний стала заметной некая градация цвета: светло-серебряный – серебряный – серебро-седой. К примеру: *Светло-серебряная цвель / Над зарослями и бассейнами. / И занавес дохнёт – и в щель / Колеблющийся и рассеянный* («Светло-серебряная цвель»); *Длинную руку на бедро... / Вытянув выю... / Березовое серебро, / Ручьи живые!* («Купальщицами, в легкий круг»); *На плечи – серебро-*

седым плащом / Старческим, серебро-сухим плющом / На плечи – перетомилась – ляг, / Ладанный слеполетейский мрак («Леты слепотекущий всхлип»).

3. Конструкции, содержащие в себе семантику чего-то невидимого, скрывшегося из виду или мнимого: *Есть в мире мнимые, невидимые: / (Знак: лепрозариумов крап!) («Есть в мире лишние, добавочные»); Шуманом пронося под полой весну: / Выше! из виду! («Эмигрант»).*

4. Конструкции, в которых отражена ситуация, препятствующая ЗВ. Зачастую, это не препятствие в буквальном смысле, а нечто, что можно рассматривать в переносном, метафорическом значении: *Ночь – твой рапсодов плащ, / Ночь – на очах – завесой. / Разъединил ли б зряц / Елену с Ахиллесом? («Есть рифмы в мире сём»); Олимпийцы?! Их взгляд спяц! / Небожителей – мы – лепим! («Жалоба»).*

5. Конструкции, содержащие в себе существительные глаза, взгляд и их характеристики. Выделяемые слова способствуют выражению состояния субъекта, его чувств и желаний. Это может быть как чувство (или состояние) человека, которое он испытывает в данный момент: *Друг! Не кори меня за тот / Взгляд, деловой и тусклый. / Так вглатываются в глоток: / Вглубь – до потери чувства! («Друг! Не кори меня за тот»)*, так и то, что свойственно субъекту вообще, определяющее его душевные качества, взгляд на мир и других людей: *А еще, несмотря на бритость, / Сытость, питость (моргну – и трачу!) / За какую-то – вдруг – побитость, / За какой-то их взгляд собачий / Сомневающийся... («Хвала богатым»); ...Глазами казненных, / Глазами сирот и вдов – / Засады казенных / Немыслящихся домов («Отрывок»).* Зачастую такие глаза принадлежат людям, испытывающим какие-то душевные, психологические страдания. А оценка взгляда становится скорее отрицательной, нежели положительной.

Проведенный анализ высказываний с семантикой ЗВ позволяет говорить о значительной степени «нагруженности» текстов сборника «После России» языковыми единицами, передающими процесс познания мира

посредством зрения. Важную роль в них выполняют конструкции, содержащие в себе призыв к действию, который напрямую связан с восприятием окружающей действительности. Тем не менее, это действие далеко не всегда может быть совершено, так как порой на пути субъекта возникает та или иная преграда, создающая трудности для ЗВ. Все же следует заметить, что лирическим героям М. Цветаевой это не мешает пристально, внимательно «всматриваться» в мир.

2.2 Структурно-семантическая организация высказываний с семантикой слухового восприятия

2.2.1 Высказывания с семантикой слухового восприятия в сборнике «Вечерний альбом»

«Слух является одним из главных каналов поступления информации о мире, это процесс, протекающий от психо-физиологического перцептивного восприятия до сложной ментальной деятельности, отражающей восприятие действительности. Ситуация слухового восприятия является макроситуацией, которая разделяется на ситуацию звучания и ситуацию собственно слухового восприятия» [Логачёва, 1988, с. 178].

Ситуация собственно СВ в текстах М. Цветаевой включает предикативный компонент в виде базового глагола *слышать* и его дериватов. Классическая структура такого высказывания трёхчастна и соотносима с ситуацией ЗВ, то есть: субъект, предикат, объект.

В большинстве случаев наличие объекта восприятия на формальном уровне в текстах поэта является обязательным: – «*Как хорошо уйти от гула! / Ты слышишь скрипку вдалеке?*» / *Она задумчиво прильнула / К его руке («Три поцелуя»)*. Так же характерна ситуация невозможности восприятия слухом: *Ты не услышишь. Надвинулись стены, / Все потухает, сливается все...* («*Правда*»), и тогда объект восприятия опущен, но легко восстанавливается из контекста. Субъект обычно выражен местоимением или существительным в И. п. Употребление дополнительных актантов единично.

К прямому значению глагола *слышать* – «различать, воспринимать слухом (издаваемые, производимые кем-либо, чем-либо звуки)» [МАС, Т.4, 1999, с.146] – зачастую присоединяется оттенок переносного. К примеру: *В старом вальсе штраусовском впервые / Мы **услышали** твой тихий зов, / С той поры нам чужды все живые / И отраден беглый бой часов («Маме»)*. Здесь восприятие физического явления тесно переплетено с выражением эмоций, чувств, настроений. То же происходит в ситуации невозможности восприятия слухом: *Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченый / Будет утром смешон. Пусть его **не услышит** рассвет! / Будет утром – мудрец, будет утром – холодный ученый / Тот, кто ночью – поэт («Плохое оправданье»)*.

Количество употреблений базового глагола *слышать* в ситуации собственно СВ в текстах М. Цветаевой невелико (4 контекста). К примеру: – *«Как хорошо уйти от гула! / Ты **слышишь** скрипку вдалеке?» / Она задумчиво прильнула / К его руке («Три поцелуя»)*.

Наиболее многочисленной и разнообразной является группа, отражающая ситуацию звучания (30 контекстов). Она представлена приядерными глаголами и глаголами других лексико-семантических групп, благодаря своему контекстному окружению приобретающими семантику СВ.

Данная группа в предлагаемой работе разделена на две подгруппы:

1. Конструкции, отражающие звучание неодушевленной природы.

Среди этой группы явно выделяются звуки, издаваемые музыкальными инструментами. К примеру: ***Запела** рояль неразгаданно-нежно / Под гибкими ручками маленькой Ани («Эльфочка в зале»); Не осилит тоске леденца! / О великая жизни приманка! / На дворе без надежд, без конца / Заунывно **играет** шарманка («Шарманка весной»); Снова **поют** за стенами / Жалобы колоколов... / Несколько улиц меж нами, / Несколько слов! («Зимой»); Не лгали в книгах бледные виньеты: / Приоткрывается тяжелый балдахин, / И слышен смех звенящий мандолин, / И о любви **вздыхают** кастаньеты («Пленница»)*. В данных случаях музыкальным инструментам активно

приписываются свойства человека, что отражается в предикате. А характеристика того или иного звука как нельзя лучше раскрывает лирическое настроение.

Существует и обратное явление, когда человеческому миру приписывается свойства природной стихии: *Как широк отцовский плац! / Конь летит, огнем объятый. / «Что **рокошет** там, меж чащ? / Море, что ли?» – «Сын, – солдаты!» («В Шенбрунне»).*

Таким образом, по мере исследования поэтических текстов были выявлены случаи, когда источником звука является непосредственно природа. Зачастую им становится водная стихия: *Пасите на розовых склонах стада, / **Внимайте** журчанию струй («На солнце, на ветер, на вольный простор...»); Склоняются низко цветущие ветки, / Фонтана в бассейне лепечут струи, / В тенистых аллеях всё детки, всё детки... / О детки в траве, почему не мои? («В люксембургском саду»).*

2. Конструкции, отражающие звучание одушевлённой природы.

Эти звуки, по сравнению с предыдущей группой, встречаются в текстах М. Цветаевой редко (7 контекстов): *Разохалась тетья, племянника ради / Усидчивый дядя бросает тетради, / Отец опечален: семейная драма! / Волнуется там, перед зеркалом, мама... («Инцидент за супом»); Но вот настал последний миг разлуки. / Чу! Чья-то песнь! Так ангелы **поют**... / И ты простер слабеющие руки / Туда наверх, где странникам – приют («Людовик XVII»).* В приведенных высказываниях реализуется как прямое значение, тогда источником звука становятся люди или животные, так и переносное, а, значит, его издает кто-то, кого нельзя наблюдать в реальной действительности.

Отдельно следует сказать о контекстах, в которых ситуация СВ характеризуется затуханием звуков либо тишиной. Таких высказываний в сборнике Марины Цветаевой – 29.

В свою очередь их можно разделить на две подгруппы:

1. Конструкции, отражающие ситуацию проявления едва различимых звуков. Основанием для выделения такой подгруппы служит частотное употребление глагола *шептать* и его дериватов, прилагательных (в том числе кратких и степеней сравнения) *тихий*, *чуть слышный*, а также наречий (16 контекстов). К примеру: *Мне **тихонько** **шепнула** вечерняя зала / Укоряющим тоном, как няня любовно: / – «Почему ты по дому скитаешься, словно / Только утром приехав с вокзала? («Наша зала); На губах улыбка бродит редко, / **Чуть звенит** цепочкою браслет, – / Все дитя как будто статуэтка / Давних лет («Сара в Версальском монастыре»); **Тихое пенье звучит** в унисон, / Окон неясны разводы, / Жизнью моей овладели, как сон, / Стройные своды («Анжелика»).*

2. Конструкции, отражающие ситуацию молчания.

Выделяемая подгруппа характеризуется явным, полным отсутствием звуков, не способностью воспринять органами слуха то или иное явление. Рассматриваемый случай прослеживается в следующих контекстах: *Пока вы рядом – смех и шутки, / Но чуть **умолкнули** шаги, / Уж ваши речи странно-жутки, / И чует сердце: вы враги («В чужой лагерь»); Пусть так. Но вот в полуистоме / Ты над страничкою поник... / Ты вспомнишь всё... Ты **сдержишь крик...** / – Пусть я лишь стих в твоём альбоме! («Надпись в альбом»); И опустились принца веки, / И **понял он без слов, в тиши**, / Что этим жестом вдруг навеки / Соединились две души («Камерата»); Пусть меж нами **молчанья равнина** / И запутанность сложных узлов. / Есть напевы, напевы без слов, / О любимая, дальняя Нина! («Нине»).* Данная ситуация может выражаться как напрямую, то есть за счёт употребления глагола *молчать* и образованных от него форм, так и с помощью словосочетаний типа *сдерживать крик, никому не шепни*, тогда семантика молчания выносится из контекста.

Объяснить такое количество высказываний, в которых реализуются процессы проявления едва различимых звуков и молчания, пожалуй, можно тем, что поэзия – это более интимный разговор, это шепот, а не крик. Это то,

что было так важно для М. Цветаевой в её творчестве. Прослеживается противопоставление ситуаций пения и молчания.

Конструкции, отражающие ситуацию шепота и молчания, в какой-то степени перекликаются с высказываниями с семантикой ЗВ, в которых глаголы *бледнет*, *гаснут* характеризуют процесс затухания, исчезновения предметов окружающей действительности (см. параграф 2.1.1.). Это служит доказательством того, что слух и зрение в поэтических текстах М. Цветаевой являются связанными.

2.2.2 Высказывания с семантикой слухового восприятия в сборнике «После России»

В поэтическом сборнике «После России» из двух ядерных глаголов *слышать* и *слушать* чаще употребляется последний (8 контекстов), а также производные от него *подслушать*, *прислушаться*, *вслушиваться*. Как и базовые глаголы ЗВ (см. параграф 2.1.2.), в поэтических строках М. Цветаевой этого периода они стоят в повелительном наклонении, тем самым привлекая внимание, или же призывая напрячь слух: *Слушай! если звезда, срываясь... / Не по воле дитя с ладьи / В море падает...* («Клинок»).

Объектом СВ в исследуемых высказываниях могут выступать голос, речь: *То Психеи лесть – / Инполитовы лепеты слушать у самых уст* («Послание»), а также явления окружающей действительности. В первую очередь, подобными явлениями становятся звуки природы: *Так вслушиваются в исток / Вслушивается – устье. / Так внюхиваются в цветок: / Вглубь – до потери чувства!* («Так вслушиваются»), объекты материальной действительности, созданные людьми, и тогда эти предметы приобретают свойства живых существ: *К отчаянью трубы заводской / Прислушайтесь – ибо зовет / Завод* («*Стоят в чернорабочей хмури*»), звуки, издаваемые человеком или его организмом, сравниваемые с явлениями природы: *Левогрудый гром / Лбом подслушан был* («Лютая юдоль»).

Глагол *слышать* употребляется дважды. В одном случае он используется в высказывании, которое построено в вопросительной форме, но, как и повелительное наклонение глагола, эта форма способствует акцентированию, привлечению внимания к тому или иному событию, действию, явлению и т.д.: *Слышишь? Это последний срыв / Глотки сорванной: про – о – стите...* («Вереницею певчих свай»). Каждый элемент в высказывании (как на формальном, так и на содержательном уровне) «работает» на усиление СВ. В другом же случае М. Цветаева употребляет предикат *слышь* в значении *услышь*, то есть вновь осуществляется призыв лирической героини (героя) обратить внимание на что-либо: *Друг, я люблю тебя свыше. / Слышь – и – встань* («С этой горы, как с крыши»).

По сравнению с ядерной группой глаголов СВ более обширной оказалась приядерная, основу которой составляют предикаты со значением звучания (40 контекстов). Ее можно разделить на несколько подгрупп в соответствии с источником звука.

1. Конструкции, отражающие явления одушевленной и неодушевленной природы. Среди одушевленной источником выступают птицы и лошади: *Се жеребец, на аршин ощерясь, / Ржет, предвкушая бег* («Емче органа и звонче бубна»).

Встречаются высказывания, в которых соединяются одновременно звуки двух видов, тем самым показывая, что природа – это единое целое: *И стих / Спор – / В шелесте... / И лист / И первой птицы свист* («В стекло... Ночные шепота: шелка»).

Что касается только неодушевленной природы, то источником звуков здесь выступает в первую очередь листва: *Каким наитием, / Какими истинами, / О чем шумите вы, / Разливы листовенные?* («Каким наитием»). Примечательным оказывается то, что акцент делается не на шелесте, а на шуме. Именно глагол *шуметь* употребляется в рассматриваемых контекстах чаще всего. Семантика этого предиката предполагает более громкий и ярко выраженный звук, нежели тот, что издается при шелесте. Шуметь в

поэтических строках М. Цветаевой может и огонь: *Державным деревом в лесу нагом – / Сначала **деревом шумел огонь*** («Сивилла»). Тем не менее, объектом, так или иначе, выступает дерево.

2. Конструкции, отражающие семантику звуков, издаваемых музыкальными инструментами или же другими предметами, созданными руками человека. К примеру: *И никакой посредник / Уж не послужит вам тогда, / Когда над городом последним / **Взревет** последняя **труба*** («*Стоят в чернорабочей хмури*»); *И в прах! / И в тряс! / И **грянь!** / И **ударь!*** («*Плач цыганки по графу Зубову*»). Особенностью данной подгруппы становится то, что предикаты в исследуемых высказываниях несут в себе значение произведения громких, оглушающих звуков. Это уже не просто шум, как было ранее, это рокот, рев, лязг и т.д., то есть те звуки, которые, так или иначе, привлекают к себе повышенное внимание.

3. Конструкции, в которых источником звучания выступает человек. Люди в рассматриваемых высказываниях поют, говорят, просят, стонут, кричат, шепчут, лепечут: *О, ты – из всех залинейных нот / **Нижайшая!** – Кончим распрю! / Как **та чахоточная**, что в ночь / **Стонала:** еще понравься!* («*Последний моряк*»); *Где-то, вдоль звезд и шпал, / – **Настежь,** без третьего! – / Что по ночам **шептал** / **Цезарь** – Лукреции* («*Брат*»); *Так **дети, вкрикиваясь в крик,** / **Вмалчиваются в тишость*** («*Друг! Не кори меня за тот*»). Если подробнее рассмотреть последнее высказывание, то можно заметить, что здесь происходит явное усиление СВ. Это достигается посредством использования лексических единиц, которые, употребляясь в рамках одного контекста, создают контрастную ситуацию крика и тишины, молчания, способствуют повышенной передаче звучания.

Несмотря на то, что субъектом в рассматриваемых конструкциях выступает человек, он, так или иначе, оказывается связанным с материальным миром или миром природы. Чаще всего это представлено через использование метафор и сравнений: ***Пела как стрелы и как морены,** / **Мчащие из-под ног** / **С звуком рвущегося атласа.** / – **Пела!*** («*Пела как*

стрелы и как морены»); *Емче органа и звонче бубна / Молвь – и одна для всех: / Ох, когда трудно, и ах, когда чудно, / А не дается – эх!* («Емче органа и звонче бубна»); – *О всеми голосами раковин / Ты пел ей...* («О всеми голосами раковин»).

4. Конструкции, в которых источником звука выступают не конкретные, а абстрактные явления действительности, то есть жизнь, душа, время и т.д. Предикатами в подобных высказываниях становятся те, которые несут в себе семантику негромких, приятных слуху звуков: *щебетать, плескать, выстукивать* и др. Можно предположить, что это связано с представлениями о тех вечных категориях, которые, так или иначе, волнуют человека и вызывают особенные ассоциации. К примеру: *Кутают ливни плечи / В плащ, плесневевет гриб. / Тысячелетья плещут / У столбняковых глыб* («Каменной глыбой серой»); *Есть час на те слова. / Из слуховых глушизн / Высокие права / Выстукивает жизнь* («Есть час на те слова»). Таким образом, в предлагаемых контекстах реализуется переносное значение.

Далее следует перейти к глаголам других лексико-семантических групп, развивающих семантику СВ посредством контекстного окружения. В соответствии со значением, заключенным в контексте, можно говорить о следующих подгруппах:

1. Высказывания, которые несут в себе семантику ограждения от окружающего мира с помощью звуков, либо наоборот стремление скрыться от них. Например: *Шорохами опояшусь, / Шелестами опушусь* («Дабы ты меня не видел»); *Деревья! К вам иду! Спасись / От рева рыночного!* («Когда обидой – опилась»). В зависимости от цели применяется разная характеристика звуков. В первом случае для создания собственного комфорта, уюта используются шорохи, шелесты, то есть приятные, не раздражающие слух звуки. Во втором же случае внешний мир доставляет лирической героине (герою) явный дискомфорт, она (он) не может почувствовать себя в нем расслабленно и стремится всячески укрыться от

него в природном пространстве. Поэтому звуки здесь громкие, неприятные, режущие слух.

2. Высказывания, отражающие семантику прекращения звуков. К примеру: *В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс! / А – ах, струна сорвалась!* («Плач цыганки по графу Zubову»); *Звуки растеряла речь, / Пальцы растеряла пясть* («В час, когда мой милый брат»); *Горе! Как рыбарь какой стою / Перед пустой жемчужницей. / Это же оловом соловью / Глотку залить... да хуже еще* («Лютня»). Звуки могут исчезнуть по нескольким причинам: сами собой, вследствие случайности или же после намеренного внешнего воздействия.

3. Высказывания, в которых лексические единицы связаны с музыкальной сферой. Чаще всего это громкие, ярко выраженные звуки. Примерами могут служить контексты: *И сбудется! – Бойся! – Из ста / На сотый срываются... Чу! / На оклик гортанный певца / Органною бурю мщу!* («Не надо ее окликать»); *А может – лучшая потеха / Перстом Себастиана Баха / Органного не тронуть эха?* («Прокрасться»); *Нет, правды не оспаривай. / Меж кафедральных Альп / То бьется о розариум / Неоперенный альт* («Нет, правды не оспаривай»).

4. Высказывания, в которых звуки в той или иной мере соотносятся с ментальной сферой, либо оказывают какое-то воздействие на человеческий мозг: *Уплочено же – вспомяни мои крики! – / За этот последний простор* («Эвредика – орфею»); *Ты дробью голосов ручьевых / Мозг бороздишь, как стих. / (Вместительнейший из почтовых / Ящиков – не вместит!)* («Строительница струн – приструню»).

5. Высказывания, отражающие характеристику мира посредством звуков. К примеру: *Мир обернулся сплошной ушною / Раковиною: сосущей звуки / Раковиною, – сплошной душою!..* («Ночь»); *Да, хаосу вразрез / Построен на созвучьях / Мир, и, разъединен, / Мстит* («Есть рифмы в мире сём»).

б. Высказывания, отражающие семантику воздействия чего- или кого-либо на слух: *Что, Муза моя! Жива ли еще? / Так узник стучит к товарищу / В слух, в ямку, перстом продолбленную / – Что Муза моя? Надолго ли ей? («Что, Муза моя! Жива ли еще?»); Но если – не сочти, что дразнит / Слух! – любящая – чуть / Отклонится, но если навзрыд / Ночь и кифарой – грудь... («Ночного гостя не застанешь...»)*. Зачастую это не буквальное воздействие на слуховые органы человека, а метафорическое действие с целью привлечения внимания.

Далее следует обратиться к конструкциям, в которых опущен глагол, однако содержатся другие части речи, указывающие на семантику СВ. В соответствии со смыслом эти высказывания были разделены на несколько подгрупп.

1. Высказывания, включающие лексические единицы со значением шепота, тишины, молчания: *В стекло... Ночные шепота: шелка / Разбрасывающая рука («В стекло... Ночные шепота: шелка»); За тихое, с уст зажатых: / «По каратам считал, я – брат был»... / Присягаю: люблю богатых! («Хвала богатым»)*. Рассматриваемые единицы создают атмосферу уединенности, интимности либо нежелательного, вынужденного выражения чувств и эмоций.

2. Конструкции, содержащие в себе семантику крика, воя и других громких, резких звуков. Например: *Вожделий – моих – выпреренных, / Крик – из чрева и на ветер! («Самовластная слобода!»); Как на полотнах / Только – и в одах: / Рев безработных, / Рев безбородых («Поэма заставы»); Крик станций: останься! / Вокзалов: о жалость! / И крик полустанков: / Не Дантов ли / Возглас: / «Надежду оставь!» / И крик паровозов («Крик станций»)*. Из приведенных контекстов становится заметным, что эти звуки издаются по разным причинам и имеют разные источники. Крик может стать результатом внутренних, душевных переживаний, призывом, может производиться человеком, неодушевленным предметом. Тем не менее,

каждый из элементов высказывания с семантикой звучания способствует передаче картины надрыва, эмоционального надлома.

Встречаются в сборнике М. Цветаевой и такие контексты, которые совмещает в себе признаки сразу двух подгрупп: *Листвою опавшею, / Щербнем рыхлым. / Всé криком кричавшие / В тебе стихли* («Лицо без обличия»); *В громком таборе дружб / Собутыльница душ / Кончу, трезвость избрав, / День – в тишайшем из братств* («Други! Братственный сонм!»). С помощью создания звукового контраста происходит ярко выраженное акцентирование внимания читателя на исследуемой семантике.

3. Высказывания, отражающие семантику хрипа, срыва голоса и его потери. К примеру: *Это бессмертную душу в прах / Первому добру молодцу... / Это – но хуже, чем в кровь и в прах: / Это – сорваться с голоса!* («Лютня»); – *Твоя! – / И обезголосившая Сафо / Плачет как последняя швея* (*Рельсы*). Представленные высказывания свидетельствуют о том, что выражением сильных чувств может стать не только крик, но и его последствие, когда накал чувств достигает пика, и голоса уже нет.

Таким образом, при помощи семантики слуха и звучания в текстах сборника «После России» находят свое отражение явления окружающей действительности, а также абстрактные образы и внутренние переживания человека. В отличие от первой книги стихов, для произведений позднего периода характерно наличие двух противоположных видов звуков: громких, резких, неприятных и тихих, успокаивающих, приятных на слух. Структурная организация высказываний с семантикой СВ и ЗВ оказывается близкой: два вида перцепции зачастую выражаются посредством повелительного наклонения глагола и восклицания.

2.3 Структурно-семантическая организация высказываний с семантикой комплексного восприятия

Высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия в сборнике «Вечерний альбом»

«Восприятие объектов окружающего мира во всей полноте чувственных впечатлений (т.е. комплексное восприятие действительности) – свойство, присущее мышлению любого человека. Это свойство развивает способность видеть связи между явлениями разного порядка, кодировать смыслы метафорически, и, таким образом, оно особенно ярко проявляется в мировосприятии поэта» [Двизова, 2013, с. 194].

Одновременное использование нескольких каналов восприятия в поэзии М. Цветаевой – это не просто художественный приём, это способ наиболее полного и всеобъемлющего познания окружающей действительности.

Для первого сборника М. Цветаевой характерно моделирование ситуации ЗВ и СВ в рамках одного высказывания (65 контекстов). О комплексности восприятия свидетельствует единый субъект или объект перцепции. По форме такие предложения могут быть осложненными (с однородными членами). Также синтаксические конструкции с семантикой ЗВ и СВ могут находиться в отношениях синтаксического параллелизма.

Явление полимодальности (комплексное восприятие действительности) отражено в поэзии Марины Цветаевой повсеместно. Одушевлённые и неодушевлённые, конкретные и абстрактные объекты воспринимаются лирическим субъектом в результате одновременной работы разных органов восприятия: *В темной гостиной одиннадцать бьет. / Что-то сегодня приснится?* («Баловство»); *Вернись: без тебя не горят светляки, / Не шепчутся темные елки, / Без ласково-твердой хозяйской руки / Скучают мохнатые пчелки* («Добрый колдун»).

Явления или события физической сферы, воспринимаемые человеком, могут при этом переплетаться с явлениями или событиями сферы

эмоциональной, что даёт возможность передать процесс ЗВ и СВ более полно: *Светлая церковь, кольцо, / Шум, поздравления, с образом мальчик... / Девушка скрыла лицо, / Смотрит с тоскою на узенький пальчик, / Где загорится кольцо («Обречённая»); Умолкло сердце, что боролось... / Вокруг лампы, образа... / А был красив гортанный голос! / А были пламенные глаза!* («Памяти Нины Джаваха»).

Встречаются контексты, где позицию предиката в двух типах восприятия занимает существительное или краткое прилагательное. Например: *Дети – это взгляды глазок боязливых, / Ножек шаловливых по паркету стук («Мирок»); Тихи вздохи. На призрачном свете / Все бледны («Дортуар весной»)*. Отсутствие глаголов в высказываниях не препятствует передаче зрительной и слуховой перцепции, так как употребленные вместо них лексические единицы, так или иначе, несут в себе необходимые значения.

Ранее уже были рассмотрены явления затухания, мимолётного, едва различимого восприятия как зрительного, так и слухового, теперь же они представлены в рамках одного высказывания. К примеру: *Чуть вдали завиделись балкон, / Старый сад и окна белой дачи, / Зашептала мама в горьком плаче: / «Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, – / До конца лишь сердце нам закон!» («Мама на лугу»); Кто-то плачет во сне, не упрямо... / Так слабы эти детские всхлипы! / Снятся девочке старые липы / И умершая, бледная мама («Дортуар весной»)*. Благодаря одновременному использованию этих особенностей восприятия автор усиливает общее впечатление от контакта с окружающей действительностью, эмоциональное и физическое состояние лирических героев.

В процессе исследования была отмечено употребление глагола *синеть* и образованных от него причастий, прилагательных и существительных. Одновременно с ними в контекстах используются единицы с семантикой тишины, едва различимого звука или звука, доносящегося издалека. Например: *Море синее вдали, как огромный сапфир, / Детские крики*

доносятся с дальней лужайки, / В воздухе – чайки... / Мальчик играет, а девочке в друге весь мир... («Ricordo di Tivoli»); Через мостик склонясь над водою, / Он шепнул (то последний был бред!) / – «Вот она мне кивает оттуда!» / Тихо плыл, озаренный звездой, / По поверхности пруда / Темно-синий берет («Маленький паж»). Таким образом, становится заметным усиление ЗВ, так как глагол *синеть* имеет семантику проявления цвета, и ослабление СВ.

Таким образом, высказывания с семантикой ЗВ и СВ выполняют следующие функции:

1) описание психологического состояния героя или его внешнего вида: *Обе изменчивы, обе нежны, / Тот же задор в голосах, / Той же тоскою огни зажжены / В слишком похожих глазах... («Втроём»).*

2) описание природных явлений: *Эхо стонало, шумела река, / Ливень стучал тяжело, / Луч серебристый пронзил облака («Луч серебристый»).*

3) олицетворение природного мира: *Вернись: без тебя не горят светляки, / Не шепчутся темные елки, / Без ласково-твердой хозяйской руки / Скучают мохнатые пчелки («Добрый колдун»).*

4) формирование центральных образов и мотивов стихотворений: *И когда осенние цветы / Льнут к земле, как детский взгляд без смеха, / С ярких губ срывается, как эхо, / Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!» («Сереже»); Уж шепчет муж сквозь медленный напев: / – «Да ты больна?» Немного побледнев, / Она в ответ роняет: «Это нервы» («Картинка с конфеты»).*

Высказывания с семантикой ЗВ и СВ взаимодействуют друг с другом на формальном и содержательном уровне. Это свидетельствует о комплексном восприятии явлений окружающей действительности лирическим героем. Поэтический мир М. Цветаевой наполнен зрительными и звуковыми образами, они пронизывают её стихотворные тексты, переплетаясь между собой.

Высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия в сборнике «После России»

В поздних стихотворениях автора семантика комплексного восприятия действительности не теряет своей значимости. Одновременное употребление двух видов перцепции в рамках одного высказывания позволяет говорить о детальном и многостороннем познании мира.

В исследуемом сборнике встречается 38 контекстов, содержащих в себе лексические единицы с семантикой ЗВ и СВ. Эти языковые единицы тесно связаны по смыслу и грамматически. Зачастую они образуют словосочетание, реализующее в себе явление синестезии. К примеру: *Легонькой искры хруст, / Взрыв – и ответный взрыв («Помни закон»); Гóре горé! Граним, / Плавим и мрем – вотще. / Ибо нерастворим / В голосовом луче / Жемчуг... («Леты подводный свет»)*. Рассматриваемые слова дополняют друг друга, способствуют изображению двухмерной картины окружающего мира.

Высказывания с семантикой ЗВ и СВ могут быть осложненными (с однородными членами). Лексические единицы, входящие в их состав, можно рассматривать по отдельности, однако они относятся к одному и тому же компоненту синтаксической модели, а, следовательно, являются неотделимыми друг от друга, выполняя равные по своей значимости функции. Например: *Словно во ржи лежишь: звон, синь... / (Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал... («Неподражаемо лжет жизнь»); Круги на воде. / Ушам и очам – / Камень. / Не здесь – так нигде («Наука формы»)*.

Эта идея прослеживается и в том, что многие высказывания построены по принципу синтаксического параллелизма. К примеру: *Вижу: опрометь копий, / Слышу: рокот кровей! («Беглецы? – Вестовые?»); Не вижу – и гладь, / Не слышу – и глушь: / Не был («Наука формы»)*. Представляя собой разные виды перцепции, эти предикаты, а, следовательно, и части предложения в целом прочно связаны, являются своего рода двумя точками зрения на окружающую действительность. Можно сказать, что они являются

функционально равноправными: *Так, перед вспыхнувшей Суламифью – / Ахнувший Соломон («Емче органа и звонче бубна»).*

Несмотря на это, встречаются и такие конструкции, когда посредством одного вида восприятия передается другое: *Нищие пели: / – Темен, ох, темен лес! / Нищие пели: / – Сброшен последний крест! / Бог из церкви воскрес! («Нищих и горлиц»).* Подобная установка может реализовываться при помощи сравнения: *Хлынула ночь! (Слуховых верховий / Час: когда в уши нам мир – как в очи!) («Ночь»); Зримости сдернутая завеса! / Времени явственное затишье! / Час, когда ухо разъяв, как веко, / Больше не весим, не дышим: слышим («Ночь»).* Из приведенных высказываний можно заметить, что таким способом передается в первую очередь СВ.

Если рассматривать количество лексических единиц каждого вида перцепции в рамках одного контекста, то становится заметным следующее: семантика слуха и звучания оказывается превалирующей по отношению к зрению. К примеру: *За тишайшую просьбу уст их, / Исполняемую как окрик. / И за то, что их в рай не впустят, / И за то, что в глаза не смотрят («Хвала богатым»); В тебе удлиняясь, / Как эхо в гранитную грудь / В тебя ударяясь: / Не видь и не слышь и не будь («Заочность»).* Однако это не является повсеместным. Встречаются и такие случаи, когда большую роль выполняет в высказывании именно ЗВ. Например: *Леты подводный свет, / Красного сердца риф. / Застолбенел ланцет, / Певчее горло вскрыв («Леты подводный свет»).*

Явление полимодальности в последнем сборнике поэта может служить как передаче явлений окружающего материального мира: *Щебеты во тьмах... / С птицами встаю! («Лютая юдоль»),* так и изображению эмоциональной реакции человека на что- или кого-либо: *Так Поликсена, узрев ахейца / Ахнула – и – / Знаете этот отлив атлантский / Крови от щек? («Ахилл на валу»); Так, перед вспыхнувшей Суламифью – / Ахнувший Соломон («Емче органа и звонче бубна»).*

Таким образом, комплексное восприятие действительности позволяет расширить взгляд на мир, выйти за пределы одного типа перцепции. Рассматриваемое явление становится неотъемлемой частью поэтического пространства М. Цветаевой, и, в частности, пространства сборника «После России», предоставляет возможность для изображения как материальных предметов и явлений, так и эмоционального и психического состояния человека. ЗВ и СВ в рамках одного высказывания попеременно занимают главенствующее положение, но уравниваются в определенной точке. Это проиллюстрировано в первую очередь в осложненных предложениях (с однородными членами), в конструкциях, построенных по принципу синтаксического параллелизма, а также через явление синестезии.

Для того, чтобы в полной мере показать, какую роль играют языковые единицы с семантикой ЗВ и СВ в исследуемых сборниках, был проведен лингвостилистический анализ двух стихотворений. В процессе анализа поэтических текстов были выявлены идиостилевые черты, обусловленные индивидуально-авторской перцептивной картиной мира.

3 Функциональная нагрузка высказывания с семантикой зрительного и слухового восприятия в поэтических текстах М. Цветаевой

3.1 Лингвостилистический анализ стихотворения «Дама в голубом» (сборник «Вечерний альбом»)

ДАМА В ГОЛУБОМ

<i>Где-то за лесом раскат грозовой, Воздух удушлив и сух. В пышную траву ушел с головой Маленький Эрик-пастух. Темные ели, клонясь от жары, Мальчику дали приют. Душно... Жужжание пчел, мошкар,ы, Где-то барашки блеют. Эрик задумчив: – «Надейся и верь, В церкви аббат поучал. Верю... О Боже... О, если б теперь Колокол вдруг зазвучал!» Молвил – и видит: из сумрачных чащ Дама идет через луг: Легкая поступь, синеющий плащ, Блеск ослепительных рук;</i>	<i>Резвый поток золотистых кудрей Зыблет,ся, ветром гоним. Ближе, все ближе, ступает быстрей, Вот уж склонилась над ним. – «Верящий чуду не верит вотще, Чуда и радости жди!» Добрая дама в лазурном плаще Крошку прижала к груди. Белые розы, орган, торжество, Радуга звездных колонн... Эрик очнулся. Вокруг – никого, Только барашки и он. В небе незримые колокола Пели-звенели: бим-бом... Понял малютка тогда, кто была Дама в плаще голубом.</i>
---	--

Лингвостилистический анализ художественного произведения позволяет продемонстрировать, какие языковые средства используются для реализации семантики ЗВ и СВ, а также определить их функциональную нагрузку в аспекте текстообразования.

Н.А. Николина считает, что лингвостилистический анализ способствует исследованию способов выражения образного строя в речевой системе художественного произведения [Николина, 2003, с. 53].

Таким образом, он является связующим звеном между лингвистическим и литературоведческим анализами. Это объясняется тем, что его объектом служит текст как «структура словесных форм в их эстетической организованности» [Виноградов, 1980, с. 103].

В отличие от литературоведческого анализа, предметом лингвостилистического становится языковая организация текста, в первую очередь отношения единиц разных уровней языка, в совокупности способствующих выражению основной идеи художественного произведения.

Стихотворение «Дама в голубом» является девятнадцатым поэтическим текстом раздела «Детство». Можно предположить, что источником для создания произведения послужила история, рассказывающая о явлении Девы Марии 11 февраля 1858 г. в Лурде обычной крестьянской девочке Бернадетте Субиру. Как и лирический герой стихотворения Эрик, девочка далеко не сразу узнала ту, которая предстала перед ней.

Встреча мальчика и Девы Марии напоминает мотив встречи ребенка с умершей матерью (или наоборот), частотный для стихотворений М. Цветаевой из указанного раздела, и намекает на некоторые знания, данные детям, но недоступные взрослым людям.

Анализируемое произведение буквально пронизано семантикой восприятия, не только зрительного и слухового: *Белые розы, орган, торжество, / Радуга звёздных колонн*, но и обонятельного, осязательного: *Воздух удушлив и сух*. Однако, не смотря на обилие языковых единиц с указанными значениями, ЗВ все же занимает главенствующее положение и способствует передаче идейного и художественного замысла автора.

Центральным образом стихотворения является дама в голубом, что отражено уже в самом его названии. В православной христианской традиции «Богоматерь предстает в более сакральном плане, как защитница рода

человеческого. Поэтому немислимо именовать Богоматерь госпожой – Мадонной. В католицизме преобладает индивидуальный подход в постижении образа Девы Марии, ее именуют моей дамой, что говорит о более личном отношении к ее образу» [Ушакова, 2011, с. 94].

В сборнике «Вечерний альбом» М. Цветаева значительное место отводит цвету. Этот мотив в ее лирике исследовался Зубовой (1999), С.Ж. Макашевой (2002), Е.С. Кузнецовой и А.М. Грызловой (2016), и др.

Традиционно для христианской иконописи характерно использование голубого цвета – цвета «небес, истины. Он выражал идею самопожертвования и кротости» [Каменский, 2011, с. 3]. Это также традиционный цвет одежд Девы Марии. Таким образом, *голубой* – это колоратив, указывающий на семантику ЗВ и несущий в себе определенную историческую и религиозную символику.

Примечательным становится то, что в тексте стихотворения при характеристике явившейся Эрику дамы, а, в частности ее плаща, наблюдается цветовая градация: *Лёгкая поступь, синеющий плащ; Добрая дама в лазурном плаще; Дама в плаще голубом*. Это можно интерпретировать как проявление цвета по мере приближения объекта. Причастие *синеющий* помогает передать начальную стадию возникновения цвета, который затем перетекает в *лазурный* – «светло-синий, цвета ясного неба» [МАС, 1999, Т. 2, с. 161], а затем и в *голубой*.

Помимо рассмотренных цветообозначений в поэтическом тексте употребляются и другие прилагательные с данной семантикой. Их использование способствует моделированию двух миров: реального, того, где находился Эрик до прихода дамы, и ирреального, представшего с ее появлением. Для первого характерно употребление прилагательных *темные, сумрачные: Тёмные ели, клонясь от жары, / Мальчику дали приют; Молвил – и видит: из сумрачных чащ / Дама идёт через луг*. Они характеризуют объекты природного пространства, дающие мальчику приют. Иллюстрации ирреального мира способствуют следующие лексические единицы: *блеск*

ослепительных рук, поток золотистых кудрей, белые розы, радуга звёздных колонн. Они передают семантику возвышенного, чудесного, чистого, того, что свойственно даме в голубом.

В стихотворении употребляется базовый глагол *видеть*. Он становится центром классической синтаксической модели восприятия, в которой субъект ясен из контекста, а объектом является целая ситуация: *Молвил – и видит: из сумрачных чащ / Дама идёт через луг.* Дополнительным актантом является локатив *из чащ*. Еще одним глаголом, несущим в себе семантику ЗВ, можно назвать глагол *зыбиться* – «Колебаться, качаться, колыхаться» [МАС, 1999, Т. 1, с. 624]. К примеру: *Резвый поток золотистых кудрей / Зыблется, ветром гоним.*

Если подробнее рассмотреть высказывание: *Ближе, всё ближе, ступает быстрее, / Вот уж склонилась над ним,* то становится заметной явная смысловая и синтаксическая градация, которая свидетельствует о приближении объекта к субъекту восприятия.

Переходу из реального пространства в ирреальное и обратно способствует употребление многоточий: *Верю... О боже...; В небе незримые колокола / Пели-звенели: бим-бом....* Прилагательное *незримые* является своеобразной связью между двумя мирами, в сочетании с семантикой СВ оно указывает на божественное происхождение дамы в голубом.

Таким образом, языковые единицы с семантикой ЗВ выполняют текстообразующую функцию и способствуют воплощению идейно-художественного замысла автора. Реализуясь на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях языка, они подтверждают мысль о том, что зрение является одной из главных составляющих в процессе восприятия как реального, так и ирреального мира, находящегося вокруг человека.

3.2 Лингвостилистический анализ стихотворения «Вереницею певчих свай» (сборник «После России»)

*Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дальнего.*

По аллее

*Вздохов – проволокой к столбу –
Телеграфное: лю – ю – блю...*

*Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!
Это – сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...*

Вдоль свай

Телеграфное: про – о – щай...

*Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про – о –
стите...
Это – снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:*

*Выше, выше – и сли – лись
В Ариаднино: ве – ер – нись,*

*Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: не выйду!
Это – проводами стальных
Проводов – голоса Аида*

*Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа – аль...
Пожалейте! (В сем хоре – сей
Различаешь?) В предсмертном
крике
Упирающихся страстей –
Дуновение Эвридики:*

*Через насыпи – и – рвы
Эвридикино: у – у – вы,*

Не у –

В художественных текстах СВ имеет многоаспектную область реализации на уровне семантики, звукописи, мелодики текста. Слуховая (звуковая) картина мира может пониматься как воссозданный в аспекте звучания мирообраз писателя [Корычанкова, 2016, с. 48-49].

Проводимый в ходе работы анализ поэтического текста М. Цветаевой позволяет показать, как языковые единицы с семантикой СВ способствуют

воплощению идейно-художественного содержания лирического произведения.

Стихотворение было написано 17 марта 1923 г. и открывает цикл «Провода», обращённый к Б.Л. Пастернаку. Эпистолярная дружба двух поэтов Серебряного века началась в июне 1922 г., и этот цикл создается на самом ее пике.

Для творчества М.И. Цветаевой был характерен мотив «разминовения» [Кудрова, 1999, с. 47], одним из вариантов которого является не встреча с близким и дорогим человеком. И действительно, М.И. Цветаева и Б.Л. Пастернак планировали встретиться, «но едва встреча приобретает более или менее реальные очертания, М.И. Цветаева от нее явственно уклоняется. Причины оттяжки высказываются самые разные, и как раз это-то и выдает одну, главную: страх. <...> Тогда она уже не сможет быть собой: свободной, на себя похожей, такой, какова она в письмах» [Кудрова, 1999, с. 69]. И, тем не менее, М.И. Цветаева создает цикл «Провода», который отражает чувства тоски и сожаления. Это проиллюстрировано и в стихотворении «Вереницею певчих свай».

Одним из основных средств реализации идеи «разминовения» являются языковые единицы с семантикой слуха (звучания), реализованные на разных текстовых уровнях. Они выполняют текстообразующую функцию, способствуя передаче идеи поэтического произведения и коррелируя с циклом в целом.

Центральным образом в стихотворении является телеграф и – это «вид электросвязи, обеспечивающий быструю передачу и приём буквенно-цифровых сообщений по проводам» [МАС, 1999, Т. 4, с. 347.]. Данное определение косвенно указывает на семантику СВ. Телеграф и, в частности, провода служат средством связи между людьми, способом передачи «голоса».

М.И. Цветаева показывает, что простой печатный бланк не способен выразить ту полноту чувств, которая охватывает человека в момент разлуки.

Только телеграфные провода, только «голос» является самым правдивым вариантом для передачи мыслей и эмоций. Очевидна связь со всем циклом, а в первую очередь с его названием «Провода».

Лейтмотивом стихотворения «Вереницею певчих свай» становятся «гласные с графически обозначенной иконической долготой. Удлинение слов *лю – ю – блю, про – о – щай, про – о – стите, ве – ер – нись, жа – а – ль, у – у – вы* является звукоподражанием в трех отношениях: им передается и гудение телеграфных проводов, и перемещение источника звука в пространстве, и крик человека вслед уходящему (или мысленный крик, адресованный находящемуся вдали)» [Зубова, 1999, с. 27].

Прилагательные *певчий* в значении «поющий, мелодично свистящий», *заунывный* – «наводящий тоску, уныние» и причастие *заклинающий* – «умоляющий кого-либо, настойчиво просящий о чем-либо» [МАС, 1999, Т. 3, с. 37; Т. 1, с. 589, с. 528.] выполняют функцию определения, они, как и приведенные выше слова, помогают передать протяжное звучание голоса. Накал чувств реперезентирован в высказываниях: *Это последний срыв / Глотки сорванной; В предсмертном крике / Упирающихся страстей*. Они передают эмоции на грани, когда лирический герой (героиня) прилагает последние усилия, чтобы быть услышанным.

В самом центре стихотворения находится базовый глагол *слышать*, который представляет собой призыв. Он выполняет предикативную функцию в рамках высказывания: с одной стороны, является определенно-личным, возможно, обращенным к Б.Л. Пастернаку, а с другой – обобщенно-личным, адресованным читателю: *Слышишь? Это последний срыв глотки сорванной*.

Необходимо отметить, что графически удлиненные слова, имеют не только особую семантическую и функциональную нагрузку, но и занимают принципиальную синтаксическую позицию. Это обеспечивается употреблением после них многоточия, моделирующего ситуацию убывания звука, что в свою очередь перекликается с заключительной фразой (строкой): *He у –*, которую М.И. Цветаева оставляет незавершенной. В тексте

многоточие используется 8 раз: например, *Даль / Заклинающее: жа-аль...* и др.

Обращает на себя внимание и авторская постановка двоеточий. М.И. Цветаева употребляет их после каждого слова, несущего в себе семантику слуха или звучания, тем самым подчёркивая его важность для выражения основной идеи. Благодаря авторскому употреблению рассматриваемого знака препинания острее воспринимается смысловая и эмоциональная нагрузка предшествующих ему слов. Важным в стихотворении является и употребление восклицательных конструкций, способствующих выражению призыва.

«Пунктуация – эстетически рефлексивная категория идиостиля М.И. Цветаевой: она актуализирует логический и смысловой центры предложения, оформляет интонационный рисунок стихотворения, задает особый ритм, структурирует текст, открывая новые стороны в авторской картине мира» [Сафронова, 2004, с. 8.].

Таким образом, языковые единицы с семантикой СВ выполняют в стихотворении М.И. Цветаевой текстообразующую функцию и способствуют репрезентации основной идеи произведения и поэтического цикла в целом. В сочетании с пунктуационным оформлением исследуемые средства вербализуют контекстуальные смыслы, являющиеся яркой приметой идиостиля автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восприятие занимает важное место в жизни человека, а изучение особенностей его репрезентации в поэтических произведениях способствует лучшему пониманию индивидуальной картины мира автора. Именно благодаря всеохватному взгляду на действительность и её отражению в непосредственных, ярких деталях и образах создаётся собственный мир автора, отражающий его уникальный поэтический дар.

В работе были рассмотрены способы языковой репрезентации ЗВ и СВ в поэтических текстах М. Цветаевой разных периодов творчества, проанализированы синтаксические и семантические особенности выделенных высказываний, проведен лингвостилистический анализ стихотворений, в полной мере репрезентирующий функциональную нагрузку и особенности структурно-семантической организации конструкций со значением восприятия.

Процесс зрительной и слуховой деятельности является смысловым центром многих стихотворений и представлен различными способами. Важной чертой творчества М. Цветаевой является не только значительное количество высказываний с указанными видами перцепции, но и вербализация ситуации комплексного восприятия, определяющего познание мира с разных сторон. Взаимодействуя друг с другом на формальном и смысловом уровнях, анализируемые языковые единицы служат как способом фиксации реалий окружающего мира, так и выражением внутреннего состояния лирического героя (героини).

Синтаксическая структура высказываний разнообразна: используя базовые (ядерные) глаголы ЗВ и СВ в меньшей степени, чем приядерные и глаголы других ЛСГ, опуская часто субъект или объект восприятия, употребляя безглагольные конструкции, М. Цветаева создает свою собственную чувственную картину мира, в которой зрение и слух занимают главенствующее положение.

Идиостилевой особенностью поэтического языка автора можно считать пунктуацию, которая играет значительную роль в изображении ЗВ и СВ, передавая иногда перцептивную семантику лучше любых слов.

Необходимо отметить, что ситуация восприятия моделируется и с помощью различных средств художественной выразительности: метафор, олицетворений, сравнений, эпитетов. Особое внимание обращает на себя перенос свойств одушевленных существ на предметы природного и материального мира: явления и объекты наделяются способностью воспринимать окружающую действительность, благодаря чему в поэтических текстах разворачивается живой, действующий мир, в одно и то же время являющийся как субъектом, так и объектом ЗВ и СВ.

Исследование двух сборников, принадлежащих к первому и последнему периодам творчества автора, позволило сделать вывод о том, что перцептивная семантика в поэтических текстах М. Цветаевой не только не потеряла своих ведущих позиций, а наоборот лишь укрепила их.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

1. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др.; Под общ. руководством Ю. Д. Апресяна; Рос. АН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с.

2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999. – 2985 с.

3. Цветаева М. И. Вечерний альбом / М. И. Цветаева. – М. : Свое издательство, 2013. – 228 с.

4. Цветаева М. И. После России / М. И. Цветаева. – М. : Азбука-классика, 2010. – 224 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллин И. Р. «Звуки светят, а краски поют» («Цветной слух» в поэзии К. Бальмонта) / День и Ночь. – 1999. – № 5–6. – С. 221–222.

2. Авдевнина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / О. Ю. Авдевнина. – М., 2014. – 48 с.

3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы : монография / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.

5. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический Проект, Деловая книга, 2004. – 464 с.

6. Башкова И. В. Грамматика восприятия в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Башкова. – Екатеринбург, 1995. – 24 с.

7. Болотнов А. В. Коммуникативные лексические универсалии в лирике М. И Цветаевой / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. В. Болотнов и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : колл. монография / Под ред. Н. С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2011. – 102 с.
8. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. А. Васильева / Под ред. Н. С. Болотновой. – Томск : ТГПУ, 2001. – 331 с.
9. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
10. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 520 с.
11. Бондарко А. В. К вопросу о перцептивности / А. В. Бондарко // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 881 с.
12. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис / Н. С. Валгина. – М. : Высшая школа, 2003. – 416 с.
13. Ван Сяохуань. Языковые средства выражения чувственного восприятия и их роль в семантической организации художественного текста (на материале рассказов А.П. Чехова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ван Сяохуань. – Томск : Том. гос. ун-т, 2014. – 293 с.
14. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. – Вып. 5. Ментальные предикаты. Модальные предикаты. Предикаты восприятия : учеб. пособие / Л. М. Васильев. – Уфа : РИО БашГУ, 2003. – 125 с.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
16. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 240 с.

17. Гарипова И. Д. Словообразовательная детерминация глаголов зрительного восприятия (на материале русского и татарского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. Д. Гарипова. – Казань, 2013. – 22 с.
18. Геворкян Т. М. Еще раз о книге Марины Цветаевой «После России» / Т. М. Геворкян. – М. : Вопросы литературы, 2012. – 45 с.
19. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах : учеб. пособие / О. Н. Григорьева. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 248 с.
20. Двизова А. В. Языковые средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэзии Б. Пастернака (сопоставительный аспект) // Вестник ТГУ. – Томск : Том. гос. ун-т, 2013. – 399 с.
21. Демешкина Т. А. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова; Под ред. Т. А. Демешкиной. – Томск : Том. гос. ун-т, 2006. – 194 с.
22. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики / Т. А. Демешкина. – Томск : Том. гос. ун-т, 2000. – 190 с.
23. Демешкина Т. А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкой поэзии и в ее русских переводах: От романтизма к модернизму : материалы российско-германского семинара (24–28 апреля 2006 г.). – Томск : Том. гос. ун-т, 2006. – С. 82–96.
24. Жадлун М. И. Лексическая интерпретация звукового восприятия воды в поэзии М. Цветаевой / М. И. Жадлун. – Днепропетровск : Днепропетровский нац. ун-т им. О. Гончара, 2014. – С. 3–8.
25. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

26. Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой: (Фонетика, словообразование, фразеология) / Л. В. Зубова. – СПб : СПбГУ, 1999. – 232 с.

27. Казарина В. И. К вопросу о семантике глаголов звука, издаваемого неживым предметом // Вестник Новосибирского гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 49–59.

28. Кириллина Н. В. «И я всюду слышу звуки...»: функции перцептивной лексики слухового восприятия в языке поэзии А. А. Ахматовой // Вестник МГОУ. – 2016. – № 4. – С. 21–25.

29. Кириллова В. А., Примова М. Б. Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой. – М. : МГУ, 1988. – 201 с.

30. Козюра Т. Н. Залоговые значения глаголов зрительного восприятия (на материале русского и французского языков) // Вестник Воронежского гос. ун-та. – 2007. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 62–67.

31. Коряччанкова С. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности / С. Коряччанкова, Л. Б. Крюкова, А. В. Хизниченко. – Brno : MUNI PRESS, 2016. – 237 с.

32. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 560 с.

33. Кудрова И. В. Поговорим о странностях любви: Марина Цветаева // Звезда. – 1999. – № 10. – С. 201–217.

34. Курашкина Н. А. Звукообозначения как репрезентация звукоферы в языке: на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. А. Курашкина. – Уфа, 2007. – 23 с.

35. Лаврова Е. Л. Поэтическое мирозерцание М. Цветаевой / Е. Л. Лаврова. – Горловка : ГГПИИЯ, 1994. – 368 с.

36. Логачёва О. Ю. Семантико-синтаксические особенности предложений, обозначающих ситуацию звучания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Ю. Логачёва. – М., 1988. – 219 с.

37. Ломоносова А. Л. Семантико-синтаксическая организация высказываний со значением восприятия и их функционирование в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Л. Ломоносова. – СПб, 2004. – 177 с.

38. Лосев Л. В. Значение переноса у М. Цветаевой // Марина Цветаева: Труды 1-го международного симпозиума (Лозанна, 30.VI – 3.VII 1982) / Под ред. Р. Кембалла в сотрудничестве с Е. Г. Эткингом и Л. М. Геллером. – Bern, 1983. – С. 28–38.

39. Маслова В. А. Марина Цветаева. Над временем и тяготением / В. А. Маслова. – Минск : Экономпресс, 2000. – 224 с.

40. Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» на материале английского, русского и французского языков / А. Х. Мерзлякова. – М. : УРСС, 2003. – 356 с.

41. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. А. Мещерякова. – Елец, 2011. – 457 с.

42. Мишанкина Н. А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2002. – 23 с.

43. Моисеева Н. В. Глаголы восприятия в русском языке // Вестник МГУ. – 1998. – №6. – С. 82–92.

44. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках, монография / С. А. Моисеева. – Белгород : БелГУ, 2005. – 248 с.

45. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.

46. Овчинникова Л. О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. О. Овчинникова. – Калининград, 2008. – 197 с.
47. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 609 с.
48. Падучева Е. В. Наблюдатель как Эксперимент «за кадром» // Слово в тексте и в словаре : Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Е. В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 2006. – С. 185–201.
49. Пархоменко И. В. Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте: На материале лирика С. А. Есенина и В. В. Маяковского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Пархоменко. – Саратов, 2000. – 249 с.
50. Петрова А. В. Семантика глагола видеть в поэзии Ф. И. Тютчева // Вестник МГОУ. – 2014. – № 4. – С. 48–55.
51. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
52. Ревзина О. Г. Из лингвистической поэтики (деепричастия в поэтическом языке М. Цветаевой) // Проблемы структурной лингвистики 1981. – М. : Наука, 1983. – 279 с.
53. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Академия, 2005. – 640 с.
54. Сафронова И. П. Эстетические функции пунктуации в поэзии Марины Цветаевой (на материале циклов «Стихи к Блоку» и «Стихи к Пушкину») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. П. Сафронова. – Ижевск, 2004. – 247 с.
55. Стефановская С. В. Способы семиотизации звукового мира (на материале языка с идеографической системой письма) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Стефановская. – Иркутск, 2012. – 199 с.

56. Ушакова Н. В. Образ-символ Богоматери в католической и православной живописи Средневековья // Вестник ЧГАКИ. – 2011. – № 2. – С. 94–97.

57. Харченко В. К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 216 с.

58. Шаев Ю. М. Визуальное восприятие: между присутствием и смыслом // Теория и практика общественного развития. – 2012. – Вып. 12. – С. 45–49.

59. Швейцер В. А. Быт и бытие Марины Цветаевой / В. А. Швейцер. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 538 с.

60. Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций / Т. В. Шмелёва. – Красноярск : Красноярский гос. ун-т., 1994. – 47 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Сборник «Вечерний альбом»

Высказывания с семантикой ЗВ

Конструкции с ядерными глаголами ЗВ

1. **Посмотрим**, что ныне творится / Под пологом вражеской тьмы? / Темнее, чем прежде, их лица, – / Опять победители мы! («В зале»)
2. С той поры, когда желтеет лес, / Вверх она, сквозь листьяв позолоту, / Все **глядит**, как будто ищет что-то / В синеве темнеющих небес («Сереже»)
3. **Дай** нам в душу тебе **заглянуть** / В той лиловой, той облачной комнате! («Второе путешествие»)
4. Ему в задумчивые глазки / **Взглянула** мама так светло! («Самоубийство»)
5. Наклонившись, **глядит** из окна / Гувернантка в накидке лиловой. / Fräulein Else** сегодня грустна, / Хоть и хочет казаться суровой («Шарманка весной»)
6. **Погляди**, как скалы эти хмуры, / Сколько ярких лютиков в траве! / Белые меж них гуляют куры / С золотым хохлом на голове («Сказочный Шварцвальд»)
7. Мы обе – феи, добрые соседки, / Владенья наши делит темный лес. / Лежим в траве и **смотрим**, как сквозь ветки / Белеет облачко в выси небес («Наши царства»)
8. К детским снам клонясь неумоимо, / (Без тебя лишь месяц в них **глядел!**) / Ты вела своих малюток мимо / Горькой жизни помыслов и дел («Маме»)
9. Беспорядочной грудой разбросаны вещи, / **Погляди**, как растрепаны пыльные ноты! / Хоть как прежде с покорностью **смотришь** в окно ты, / Но шаги твои мерные резче («Наша зала»)
10. О, сколько глаз из этих окон / **Глядели** вслед ему с тоской, / И скольких за собой увлек он / Туда, где радость и покой! («В Кремле»)
11. – «Забилась в угол, **глядишь** упрямо... / Скажи, согласна? Мы ждем давно». / – «Ах, я не знаю. Оставьте, мама! / Оставьте, мама. Мне все равно!» («На земле»)
12. Все тесней проклятое кольцо, / Мстит судьба богине полусветской... / Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской / **Заглянул** тебе, грустя, в лицо... («Даме с камелиями»)
13. – «О, отец! Как ты **горишь!** / **Погляди**, а там направо, – / Это рай?» – «Мой сын – Париж!» / – «А над ним склонилась?» – «Слава» («В Шенбрунне»)
14. Ты, кто / муку **видишь** в каждом миге, / Приходи сюда, усталый брат! / Все, что снилось, сбудется, как в книге – / Темный Шварцвальд сказками богат! («Сказочный Шварцвальд»)
15. **Будешь** радость **видеть** в каждом миге, / Всё поймешь: и звезды, и закат! / Что приснится, сбудется, как в книге, – / Темный Шварцвальд сказками богат! («Сказочный Шварцвальд»)

16. Мы обе – феи, но большие (странно!) / Двух диких девочек лишь **видят** в нас. / Что ясно нам – для них совсем туманно: / Как и на всё – на фею нужен глаз! («Наши царства»)
17. Темная ель в этой жизни **видала** так много / Слишком красивых, с большими глазами, детей. / Нет путей / Им в нашей жизни. Их счастье, их радость – у Бога («Ricordo di Tivoli»)
18. Чуть **завижду** знакомый вдали силуэт, – / Бьется сердце то чаще, то реже... / Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет! / И глаза твои, грустные, те же («Не гони мою память! Лазурны края...»)
19. Мы любили тебя – как могли, как умели; / Целый сад в наших душах бы мог расцвести, / Мы бы рай **увидали** воочью!.. / Но, испуганы зимнею ночью, / Мы из детской уйти не посмели... / Если можешь – прости! («Детская»)
20. Много женицин **видала** на долгом веку я, / – В этом доме их муки, увя, не случайны! – / Мне в октябрьский вечер тяжелые тайны / Не одна поверяла, тоскуя («Наша зала»)
21. По тебе тоскует наша зала, / – Ты в тени ее **видал** едва – / По тебе тоскуют те слова, / Что в тени тебе я не сказала. / Каждый вечер я скитаюсь в ней, / Повторяя в мыслях жесты, взоры... («По тебе тоскует наша зала...»)
22. – «Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо огня: / Так уютней – Забыла сейчас все слова я»... / **Видят** беглые тени трамвая / На диване с тобой – не меня! («Так будет»)
23. В расшитых шёлком покрывалах, / У окон сумрачных дворцов, / Я **увидал** цариц усталых, / В глазах чьих замер тихий зов («В Кремле»)
24. Я **увидал**, как в старых сказках, / Мечи, венец и древний герб, / И в чьих-то детских, детских глазках / Тот свет, что льет волшебный серп («В Кремле»)
25. Я **увидал** монахинь бледных, / Земли отверженных детей, / И в их молитвах заповедных / Я уловил пожар страстей. («В Кремле»)
26. Всё **видит**, всё знает твой мудрый зрачок. / Сердца тебе ясны, как травы («Добрый колдун»)
27. На солнце, на ветер, на вольный простор / Любовь уносите свою! / Чтоб только **не видел** ваш радостный взор / Во всяком прохожем судью («На солнце, на ветер, на вольный простор...»)

Конструкции с приядерными глаголами ЗВ

1. В светлой чаще берез, где просветами / **Голубеет** сквозь листья вода, / Хорошо обменяться ответами, / Хорошо быть принцессой. О да! («Лесное царство»)
2. Хорошо быть красивыми, быстрыми / И, кострами дразня темноту, / **Любоваться** безумными искрами, / И как искры сгореть – на лету! («Лесное царство»)
3. Спускаются длинные тени, / **Горят** за окном фонари, / **Темнеет** высокая зала, / Уходят в себя зеркала... («В зале»)

4. Нас двое над темной роялью / Склонилось, и крадется жуть. / Укутаны маминой шалью, / **Бледнеем**, не смеем вздохнуть («В зале»)
5. С той поры, когда **желтеет** лес, / Вверх она, сквозь листьяв позолоту, / Все глядит, как будто ищет что-то / В синеве темнеющих небес («Сереже»)
6. Мы плыли мимо берегов, / Где **зеленеет** Пальма Мира, / Где из спокойных жемчугов / Дворцы, а башни из сапфира («Первое путешествие»)
7. Тянулись гибкие цветы, / Как зачарованные змеи, / Из просветленной темноты / **Мигали** хитрые пигмеи... («Первое путешествие»)
8. Последний луч давно **погас**, / В краях последних тучек тая, / **Мелькнуло** облачко-Пегас, / И рыб воздушных скрылась стая («Первое путешествие»)
9. И месяц меж стеблей травы / **Мелькнул** в воде, как круг эмали... / Он был так близок, но увы – / Его мы в сети не поймали! («Первое путешествие»)
10. Бледнея **гасли** в небе зори, / **Темнел** огромный дортуар; / Ей снилось розовое Гори / В тени развесистых чинар... («Памяти Нины Джаваха»)
11. В пятнах губы, фартучек и платье, / Сливу руки нехотя берут. / Ярким золотом **горит** распятье / Там, внизу, где склон дороги крут («Как мы читали «Lichtenstein»»)
12. Мы обе – феи, добрые соседки, / Владенья наши делит темный лес. / Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки / **Белеет** облачко в выси небес («Наши царства»)
13. Марилэ пишет мне стишок в альбом, / Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы! / Хлопочет мама; в платье голубом / **Мелькает** Ася с Карлом там, у ивы («Отъезд»)
14. **Темнеет**... В воздухе свежо... / Том в счастье с Бэки полон веры. / Вот с факелом Индеец Джо / Блуждает в сумраке пещеры... («Книги в красном переплёте»)
15. Мама плачет. На колени / Ей упал цветок. / Солнце нежит взгляд и листья, / **Золотит** незримой кистью / Каждый лепесток. / – Только там, за домом, тени... («Мама в саду»)
16. Когда, пленясь прозрачностью медузы, / Ее коснемся мы капризом рук, / Она, как пленник, заключенный в узы, / Вдруг **побледнеет** и погибнет вдруг («Ошибка»)
17. А вдали чередой безутешно / Фонарей лучезарные точки / **Загорались** сквозь легкую тьму... / Все кругом покупали цветочки; / Мы купили букетик... К чему? («Встреча»)
18. Пусть я при встрече с тобою **бледнею**, – / Как эти встречи грустны! / Тайна одна. Мы бессильны пред нею: / Связь через сны («Связь через сны»)
19. Я **слежу** за тобою внимательным взглядом, / Облегчи свою душу рассказом нескорым! / Почему не с тобой он, тот милый, с которым / Ты когда-то здесь грезила рядом?» («Наша зала»)
20. ...Гневом глаза **загорелись** у графа: / «Здесь я, княгиня, по благодати рока!» / – «Мама, а в море не тонет жирафа?» / Мама душою – далеко! («Мама за книгой»)

21. Над ними древность простирает длани, / Им **светит** рок сияньем вещей
глаз, / Их каждый миг – мучительный экстаз. / Вы перед ними – щепки в
океане! («Невестам мудрецов»)
22. Они покой находят в Гераклите, / Орфея тень им **зажигает** взор...
(«Невестам мудрецов»)
23. В моих глазах тоской о чуде / Такая ненависть **зажглась**, / Что этих
слишком гневных глаз, / Не вынося, боялись люди («Потомок шведских
королей»)

Конструкции с глаголами других лексико-семантических групп и
существительными с семантикой ЗВ

1. Ангел **взоры опустил** святые, / Люди рады тени промелькнувшей, / И
спокойны глазки золотые / Нежной девочки, к окну прильнувшей («Акварель»)
2. **Спускаются** длинные тени, / Горят за окном фонари, / Темнеет высокая
зала, / Уходят в себя зеркала... («В зале»)
3. Какой-то добрый Чародей / Его из вод **направил** сонных / **В страну**
гигантских орхидей, / Печальных глаз и роц лимонных («Первое
путешествие»)
4. Под пестрым зонтиком чудес, / Полны мечтаний затаенных, / Лежали мы и
страх **исчез** / **Под взором** чьих-то глаз зеленых («Первое путешествие»)
5. Красен факел у негра в руках, / **Реки света струятся** зигзагами... («Второе
путешествие»)
6. Все на воле: жилец-гимназист, / И Наташа, и Дорик с лопатой, / И разносчик
с тяжелым лотком, / Что торгует внизу пирожками... / Fräulein Else
закрыла платком / **И очки, и глаза под очками** («Шарманка весной»)
7. Что ясно нам – для них совсем туманно: / Как и на всё – на фею **нужен**
глаз! («Наши царства»)
8. **Дрожат** на люстрах **огоньки...** / Как хорошо за книгой дома! / Под Грига,
Шумана и Кюи / Я узнавала судьбы Тома («Книги в красном переплёте»)
9. Вот с **факелом** Индеец Джо / **Блуждает в сумраке** пещеры... («Книги в
красном переплёте»)
10. Мама плачет. На колени / Ей упал цветок. / **Солнце нежит** взгляд и листья, /
Золотит незримой кистью / Каждый лепесток. / – Только там, за домом,
тени... («Мама в саду»)
11. Будь вечно с ним: пусть верности **научат** / Тебя печаль его и нежный **взор**
(«Следующей»)
12. Ранят ли прошлого зовы? / Долго ли раны болят? / **Дразнит** заманчиво-
новый, / Блещущий **взгляд** («Зимой»)
13. В расшитых шёлком покрывалах, / У окон сумрачных дворцов, / Я увидел
цариц усталых, / **В глазах чьих замер** тихий зов («В Кремле»)
14. Я угадал в **блужданьи** **взглядов:** / – «Я жить хочу!.. На что мне Бог?» / И в
складках траурных нарядов / К луне идущий, долгий вздох («В Кремле»)

15. **Я люблю в вас большие глаза,** / Тонкий профиль задумчиво-четкий, / Ожерелье на шее, как четки, / Ваши речи – ни против, ни за... («Как простор наших горестных нив...»)
16. **Детский взор** твой, что грустно **тревожит**, / Я из сердца, о нет, не сотру. / Я любила тебя как сестру / И нежнее, и глубже, быть может! («Нине»)
17. **Взор мой** и в детстве туда **ускользал**, / Он городами измучен. / Скучен мне говор и блестящий зал, / Мир мне – так скучен! («Анжелика»)
18. **Испугался глаз** ее янтарных, / Этих детских, слишком алых губок, / Убоявшись чар ее коварных, / Не посмел испить шипящий кубок? («Недоумение»)
19. **Братец** в раздумие **трет** / Сонные **глазки** ручонкой: / Бедный разбужен! Черед / За баловницей сестренкой («Пробужденье»)
20. **Был испуган** пламенной **отравой** / Светлых **глаз**, где только искры видно? / Испугался девочки кудрявой? / О, поэт, тебе да будет стыдно! («Недоумение»)

Конструкции с существительными, деепричастиями, краткими, сравнительными прилагательными в функции предиката и существительными с семантикой ЗВ

1. Марилэ пишет мне стишок в альбом, / **Глаза в слезах**, а буквы кривы-кривы! / Хлопочет мама; в платье голубом / Мелькает Ася с Карлом там, у ивы («Отъезд»)
2. **Красен факел** у негра в руках, / Реки света струятся зигзагами... («Второе путешествие»)
3. Не сгнивший плод, – цветок нежившие-свежий / Втоптала в грязь народная гроза. / У всех детей **глаза** одни и те же: / Невыразимо-нежные **глаза!** («Людовик XVII»)
4. Как сладко жить! Вдруг **блестки эполет** / **И** чей-то **взор** неумолимо-грустный («Картинка с конфеты»)
5. Порою смерть – как будто ласка, / Порою жить – почти неловко! / Блаженство в смерти, **Звездозлазка!** / Что жизнь, Жемчужная Головка? («Сказки Соловьёва»)
6. Он **был синеглазый и рыжий** / (Как порох во время игры!), / Лукавый и ласковый. Мы же / Две маленьких русых сестры («На скалах»)
7. Держала мама наши руки, / К нам **заглянув** на дно души. / О, этот час, канун разлуки, / О предзакатный час в Оушчу! («Оушчу»)
8. Ангел взоры опустил святые, / Люди рады тени промелькнувшей, / **И спокойны глазки** золотые / Нежной девочки, к окну прильнувшей («Акварель»)
9. О золотые времена, / Где **взор смелей** и сердце чище! / О золотые имена: / Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий! («Книги в красном переплёте»)
10. Рот как кровь, **а глаза зелены**, / И улыбка измученно-злая... / О, не скроешь, теперь поняла я: / Ты возлюбленный бледной Луны («Чародею»)

11. Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий, / **Голубоглазый!**
(«Следующему»)
12. Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет! / И глаза твои, грустные,
те же («Не гони мою память! Лазурны края...»)
13. Нам к сокровищам бездн все дороги открыты, / Наши жадные **взоры не
сыты**, / И ко всем драгоценным камням / Направляем шаги мы с покорностью
вечных скитальцев («Зелёное ожерелье»)
14. Каждый вечер я скитаюсь в ней, / Повторяя в мыслях жесты, **взоры...** («По
тебе тоскует наша зала...»)
15. Детской **головки, выдавшей** так мало, / Круглая больше не давит гребенка...
/ Только о радостном знало / Сердце ребенка («У гробика»)
16. Там чей-то **взор** печально-братский. / Там нежный профиль на стене. /
Rostand и мученик Рейхштадтский / И Сара – все придут во сне! («В
Париже»)
17. Я – Эва, и страсти мои велики: / Вся жизнь моя страстная дрожь! / **Глаза**
у меня **огоньки-угольки**, / А волосы спелая рожь, / И тянутся к ним из хлебов
васильки. / Загадочный век мой – хорош («Колдунья»)
18. Аббаты, свершая полночный дозор, / Сказали: «Закрой свою дверь / Безумной
колдунье, чьи **взоры позор**. / Колдунья лукава, как зверь!» / – Быть может и
правда, но **темен мой взор**, / Я тайна, а тайному верь! («Колдунья»)
19. О, ей знаком бессильно-нежный рот, / **Знакомы** ей нахмуренные **брови** / И
этот **взгляд...** («Картинка с конфеты»)
20. Обо всем сказав другому **взглядом**, / Каждый ждал. Но вот из-за угла /
Пронеслась смертельная стрела, / Роковым напитанная ядом («Ваши белые
могилки рядом...»)

Высказывания с семантикой СВ

Конструкции с ядерными глаголами СВ

1. В старом вальсе штраусовском впервые / Мы **услышали** твой тихий зов, / С
той поры нам чужды все живые / И отраден беглый бой часов («Маме»)
2. – «Как хорошо уйти от гула! / Ты **слышишь** скрипку вдалеке?» / Она
задумчиво прильнула / К его руке («Три поцелуя»)
3. Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченый / Будет утром
смешон. Пусть его **не услышит** рассвет! / Будет утром – мудрец, будет
утром – холодный ученый / Тот, кто ночью – поэт («Плохое оправданье»)
4. Ты **не услышишь**. Надвинулись стены, / Все потухает, сливается все...
(«Правда»)

Конструкции с приядерными глаголами СВ

1. Сколько-то листья газетные / Кроют безвестных имен!.. / Губы, теперь онемелые, / Тихо **шепнули**: «Не то...» / Смерти довериться, смелые, / Что вас заставило, что? («Жертвам школьных сумерок»)
2. **Запела** рояль неразгаданно-нежно / Под гибкими ручками маленькой Ани («Эльфочка в зале»)
3. И **пела** рояль, вдохновеньем согрета, / О сладостных чарах безбрежной печали, / И души меж звуков друг друга встречали, / И кто-то светло улыбался с портрета («Эльфочка в зале»)
4. Не осилить тоске леденца! / О великая жизни приманка! / На дворе без надежд, без конца / Заунывно **играет** шарманка («Шарманка весной»)
5. Но вот настал последний миг разлуки. / Чу! Чья-то песнь! Так ангелы **поют**... / И ты простер слабеющие руки / Туда наверх, где странникам – уют («Людовик XVII»)
6. Забыто, что в платяницах дыры, / Что новый костюмчик измят. / Как скалы заманчиво-сыры! / Как радостно пиньи **шумят**! («На скалах»)
7. Эрик задумчив: – «Надейся и верь, / В церкви аббат поучал. / Верю... О Боже... О, если б теперь / Колокол вдруг **зазвучал**!» («Дама в голубом»)
8. На губах улыбка бродит редко, / Чуть **звенит** цепочкою браслет, – / Все дитя как будто статуэтка / Давних лет («Сара в Версальском монастыре»)
9. Подымает девочку с окошка, / Как перо, монахиня-сестра. / Добрый голос **шепчет**: «Сара-крошка, / Спать пора!» («Сара в Версальском монастыре»)
10. Село солнце в медленном пожаре, / Серп луны прокрался из-за туч, / И всю ночь легенды **шепчет** Саре / Лунный луч («Сара в Версальском монастыре»)
11. И воздух тих, загрезивший, в котором / Вечерний колокол **поет** едва («Die stille Strasse»)
12. **Звучат** шаги отчетливо и мерно, / Die stille Strasse распрощалась с днем / И мирно спит под шум деревьев. Верно («Die stille Strasse»)
13. Вы бродили с мамой на лугу, / И тебе она **шепнула**: «Милый! / Кончен день, и жить во мне нет силы. / Мальчик, знай, что даже из могилы / Я тебя, как прежде, берегу!» («Мама на лугу»)
14. – «Змей не прождал ни минуточки, / **Свистнул**, – и в горы скорей!» / Мама у сонной малюточки / Шелк расчесала кудрей («У кровати»)
15. Днем – скрываю, днем – **молчу**. / Месяц в небе, – нету мочи! / В эти месячные ночи / Рвусь к любимому плечу («Новолунье»)
16. Пока вы рядом – смех и шутки, / Но чуть **умолкнули** шаги, / Уж ваши речи странно-жутки, / И чует сердце: вы враги («В чужой лагерь»)
17. Но знайте: в миг, когда без силы / И нас застанет страсти ад, / Мы потому **прошепчем**: «Милый!» / Что будет розовым закат. («В чужой лагерь»)
18. Над ним, любившим только древность / Они вдвоем **шепнули**: «Ах!»... / Не шевельнулись в их сердцах / Ни удивление, ни ревность («Сёстры»)
19. Тише, сестрички! Мы **будем молчать**, / Души без слова сольем. / Как неизведанно утро встречать / В детской, прижавшись, втроем... («Втроем»)

20. – «Прошел он!» – «Кто из них? Который?» / К обоим каждая нежна. /
Здесь **умолкают** все укоры, – / Вас двое. Наша ль то вина? («Два в квадрате»)
21. Только ночью душе посылаются знаки оттуда, / Оттого все ночное, как
книгу от всех береги! / Никому **не шепни**, просыпаясь, про нежное чудо: /
Свет и чудо – враги! («Плохое оправданье»)
22. Мне тихонько **шепнула** вечерняя зала / Укоряющим тоном, как няня
любовно: / – «Почему ты по дому скитаешься, словно / Только утром
приехав с вокзала? («Наша зала»)
23. Снова **поют** за стенами / Жалобы колоколов... / Несколько улиц меж нами, /
Несколько слов! («Зимой»)
24. **Смолкли** без сил за стенами / Жалобы колоколов. / Несколько улиц меж
нами, / Несколько слов! («Зимой»)
25. Дверь открылась... Морозного ветра струя... / Запах свежести, счастья...
Забыты тревоги... / Миг молчанья, и вот на пороге / Кто-то слабо **смеется** –
не я! («Так будет»)
26. Тень трамваев, как прежде, бежит по стене, / Шум оркестра внизу
осторожней и глуше... / – «Пусть сольются без слов наши души!» / Ты
взволнованно **шепчешь** – не мне! («Так будет»)
27. Буквы ринулись с страниц, / Строчка – полк. **Запели** трубы... / Капли
падают с ресниц, / «Вновь с тобой я!» **шепчут** губы («В Шенбрунне»)
28. Как широк отцовский плащ! / Конь летит, огнем объятый. / «Что **рокочет**
там, меж чащ? / Море, что ли?» – «Сын, – солдаты!» («В Шенбрунне»)
29. Мне **шепчет** голос без названья: / – «Ах, гнета грезы – не снести!» / Пред
вечной тайной расставанья / Прими, о принц, мое прости («Расставание»)
30. **Звучали** мне призывом Бога / Твоих крестин колокола... / Я отдала тебе –
так много! / Я слишком много отдала! («Расставание»)
31. Тихое пенье **звучит** в унисон, / Окон неясны разводы, / Жизнь мою
овладели, как сон, / Стройные своды («Анжелика»)
32. Пасите на розовых склонах стада, / **Внимайте** журчанию струй («На
солнце, на ветер, на вольный простор...»)
33. Кто юному счастью **прошепчет** укор? / Кто **скажет**: «Пора!» забытью? /
– На солнце, на ветер, на вольный простор / Любовь унесите свою! («На
солнце, на ветер, на вольный простор...»)
34. Кто там **шепчет** еле-еле? / Или в доме не мертво? / Это струйкой льется в
щели / Лунной ночи колдовство («Волей луны»)
35. В небе, как зарево, вешняя зорька, / Волны пасхального звона... / Вот у
соседей **заплакал** так горько / Звук граммофона, / **Вторят** ему бесконечно-
уныло / Взвизги гармоники с кухни... («Пасха в апреле»)
36. Ваши белые могилки рядом, / Ту же песнь **поют** колокола / Двум сердцам,
которых жизнь была / В зимний день светло расцветшим садом («Ваши
белые могилки рядом...»)

37. **Разохалась** тетя, племянника ради / Усидчивый дядя бросает тетради, / Отец опечален: семейная драма! / Волнуется там, перед зеркалом, мама... («Инцидент за супом»)
38. – «Мне ландышей надо в апреле, / Я в мае топчу их ногой. / Что **шепчешь** в ответ еле-еле?» / – «Во имя твое, дорогой!» («Счастье»)
39. ...Он тихо плакал. Вдруг с балкона / **Раздался** голос: «Мальчик мой!» («Самоубийство»)
40. Склоняются низко цветущие ветки, / Фонтана в бассейне **лепечут струи**, / В тенистых аллеях всё детки, всё детки... («В люксембургском саду»)
41. И **поют** ведь, и пишут, что счастье вначале! / Расцвести всей душой бы ликующей, всей! («Ещё молитва»)

Конструкции с глаголами других лексико-семантических групп и
существительными с семантикой СВ

1. На веках **тень**. Подобием короны / Лежали кудри... Я **сдержала крик**: / Мне стало ясно в этот краткий миг, / Что **пробуждают** мертвых наших **стоны** («Встреча»)
2. Деточки, грустные деточки, / О, почему вы ушли? / Думы **смущает** заветные / Ваш **неуслышанный стон** («Жертвам школьных сумерок»)
3. Ты не мог смирить тоску свою, / Победив наш **смех**, что **ранит**, жалея / Догорев, как свечи у рояля, / Всех светлей проснулся ты в раю («Сереже»)
4. – «Ася, поверьте!» и что-то **дрожит** / В Гришином деланном **басе** («Летом»)
5. **Внушали напевы**: «Нет радости в страсти! / Усталое сердце, усни же, усни ты!» («Эльфочка в зале»)
6. Не лгали в книгах бледные виньеты: / Приоткрывается тяжелый балдахин, / И слышен смех звенящий мандолин, / И о любви **вздыхают** **кастаньеты** («Пленница»)
7. В ней минувшие грезы **свежат** / Эти **отклики** давних **мелодий**, / И давно уж слезинки **дрожат** / На ресницах больного Володи («Шарманка весной»)
8. **Fräulein плачет: волнует игра!** / Водит мальчик пером по бювару. / – «Не грусти, *liber Junge**** – пора / Нам гулять по Тверскому бульвару («Шарманка весной»)
9. Звучат шаги отчетливо и мерно, / *Die stille Strasse* распрощалась с днем / И мирно **спит под шум деревьев** («*Die stille Strasse*»)
10. – «Как хорошо **уйти от гула!** / Ты слышишь скрипку вдалеке?» / Она задумчиво прильнула / К его руке («Три поцелуя»)
11. Им ночью те же страны снились, / Их тайно **мучил** тот же **смех**, / И вот, узнав его меж всех, / Они вдвоем над ним склонились («Сёстры»)
12. Мы всех приветствием встречали, / Шли без забот на каждый пир, / Одной улыбкой **отвечали** / На **бубна** **звон и рокот лир**, / – И каждый нес свои печали / В наш без того печальный мир («*Perpetuum mobile*»)

13. **Под шум вагона сладко верить** чуду / И к дальним дням, еще туманным, плыть. / Мир так широк! Тебя в нем позабуду / Я может быть? («Привет из вагона»)
14. Пусть так. Но вот в полуистоме / Ты над страничкою поник... / Ты вспомнишь всё... Ты **сдержишь крик...** / – Пусть я лишь стих в твоём альбоме! («Надпись в альбом»)
15. За отливом приходит прилив, / Тая, льдинки светлее, чем слезки, / Потухают и лунные блески, / **Замирает** и лучший **мотив...** («Как простор наших горестных нив...»)
16. К утешениям друга-рояля / Ты ушла от излюбленных книг. / Чей-то **шепот в напевах возник,** / Беспокоя тебя и печалю («Нине»)
17. Словно просьбы застенчивой ради, / **Повторился последний аккорд.** / Чей-то образ из сердца не стерт!.. / Всё как прежде: портреты, тетради («Нине»)
18. Пусть меж нами молчанья равнина / И запутанность сложных узлов. / **Есть напевы, напевы без слов,** / О любимая, дальняя Нина! («Нине»)
19. Ты вдруг, не венчана обрядом, / **Без пенья хора,** мирт и лент, / Рука с рукой **вошла** с ним рядом / В прекраснейшую из легенд («Камерата»)
20. И опустились принца веки, / И **понял он без слов, в тиши,** / Что этим жестом вдруг навеки / Соединились две души («Камерата»)
21. Всего **хочу:** с душой цыгана / **Идти под песни** на разбой, / За всех **страдать под звук органа** / И амазонкой мчатся в бой («Молитва»)
22. **Звон колокольный** и яйца на блюде / Радостью душу **согрели.** / Что лучезарней, скажите мне, люди, / Пасхи в апреле? («Пасха в апреле»)
23. Спите ж вы, чья жизнь богатым садом / В зимний день, среди снега, расцвела... / Ту же **песнь** вам **шлют колокола,** / Ваши белые могилки – рядом («Ваши белые могилки рядом...»)

Конструкции с существительными с семантикой СВ (беспредикатные)

1. В старом вальсе **штраусовском** впервые / Мы услышали твой тихий зов, / С той поры нам чужды все живые / И **отраден** беглый **бой часов** («Маме»)
2. **Словно песня** – милый **голос** мамы, / Волшебство творят ее уста. / Ввысь уходят ели, стройно-прямы, / Там, на солнце, нежен лик Христа... («Как мы читали «Lichtenstein»») О весенние сны в дортуаре, / О блужданье в раздумье среди спящих, / **Звук шагов,** как нарочно, **скрипящих,** / И тоска, и мечты о пожаре («Дортуар весной»)
3. **Обрывки** каких-то **мелодий** / И **шепот** сквозь сон: «Нет, он мой!» / – «Домой! Ася, Муся, Володя!» / – Нет, лучше в костер, чем домой! («На скалах»)
4. – «Всё в знаньи, скажут нам науки... / Не знаю... Сказки – хороши!» / О эти медленные **звуки,** / О эта **музыка** в **Ouchy!** («Ouchy»)
5. Все людские помыслы так мелки / В этом царстве доброй полумглы. / Здесь лишь лани бродят, скачут белки... / **Пенье птиц... Жужжание пчелы...** («Сказочный Шварцвальд»)

6. О на крыльце последний **шепот** наш! / О этот плач о промелькнувшем лете! / Какой-то **шум**. Приехал экипаж. / – «Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!» («Отъезд»)
7. Кладбище... Вещий **крик совы**... / (Мне страшно!) Вот летит чрез кочки / Приемши чопорной вдовы, / Как Диоген живущий в бочке («Книги в красном переплёте»)
8. Пока вы рядом – **смех и шутки**, / Но чуть умолкнули шаги, / Уж ваши речи странно-жутки, / И чует сердце: вы враги («В чужой лагерь»)
9. Тоска по книге, внешний запах, / **Оркестра пение** вдали – / И мы со вздохом, в темных лапах, / Сожжем, тоскуя, корабли («В чужой лагерь»)
10. Каток растаял... Не услада / **За зимней тишью стук колес** / Душе весеннего не надо / И жалко зимнего до слез («Каток растаял»)
11. Хлопья снега за окнами, **песни метели**... / Мы из детской уйти не хотели, / Вместо сказки не жаждали бреда... / Если можешь – пойми! («Детская»)
12. Такой, как ты, нельзя обидеть: / **Суровый звук** – порвется нить! / Не нам судить, не нам винить... / Нельзя за тайну ненавидеть («Последнее слово»)
13. Пусть меж нами **молчанья равнина** / И запутанность сложных узлов. / Есть напевы, напевы без слов, / О любимая, дальняя Нина! («Нине»)
14. **Барабаны, звуки струн**, / Все в цветах... Ликуют дети... / Всё спокойно. Спит Шенбрунн. / Кто-то плачет в лунном свете («В Шенбрунне»)
15. Что́ вам Ромео и Джульетта, / **Песнь соловья** меж темных чащ! / Друг другу вняли – без обета – / Мундир как снег и черный плащ («Камерата»)
16. О, вы, кому всего милей / **Победоносные аккорды**, – / Падите ниц! Пред вами гордый / Потомок шведских королей («Потомок шведских королей»)
17. Все неустойчиво, недружелюбно, ломко, / **Тарелок стук**... Беседа коротка («Столовая»)
18. **Звонок**. – «Нас нет: уехали, скажи!» / – «Сегодня мы обедаем без света»... / Вновь **тишина, не ждущая ответа**; / Ведут беседу с вилками ножи («Столовая»)
19. Травку ласкают лучи, догорая, / С улицы **фраз отголоски**... / Тихо брожу от крыльца до сарая, / Меряю доски («Пасха в апреле»)
20. В небе, как зарево, вешняя зорька, / **Волны пасхального звона**... / Вот у соседей заплакал так горько / Звук граммофона, / Вторят ему бесконечно-уныло / Взвизги гармоники с кухни... («Пасха в апреле»)
21. Вдруг чей-то **шепот**: «Вечно в жмурки / Играть с действительностью вредно («Сказки Соловьёва»)
22. «Слова твои – **песни**, в них вызов и силы, / Ты снова, как прежде, бодр»... («Её слова»)

Конструкции с наречиями, деепричастиями, краткими, сравнительными прилагательными, причастиями в функции предиката и существительными с семантикой СВ

1. Вдруг – **звон!** Он здесь! Пощады нет! / То **звон часов протяжно-гулок!** («Первое путешествие»)
2. Не лгали в книгах бледные виньеты: / Приоткрывается тяжелый балдахин, / И слышен смех звенящий мандолин, / И о любви вздыхают кастаньеты («Пленница»)
3. Всему **внимая чутким ухом,** / – Так недоступна! Так нежна! – / Она была лицом и духом / Во всем джигитка и княжна («Памяти Нины Джаваха»)
4. На дальний путь доверчиво вступая, / Ты понял, принц, зачем мы слезы льем, / И знал, **под песнь родную засыная,** / Что в небесах проснешься – королем («Людовик XVII»)
5. Но день прошел, и снова феи – дети, / Которых ждут и **шаг** которых **тих...** / Ах, этот мир и счастье быть на свете / Ещё незрелый передаст ли стих? («Наши царства»)
6. – «Марилэ, друг, пиши мне!» / Ах, не то! Не это я сказать хочу! Но что же? / – «Надень берет!» – «Не раскрывай пальто!» / – «Садитесь, ну?» и папин **голос строже** («Отъезд»)
7. С ранних лет нам близок, кто печален, / **Скучен смех** и чужд домашний кров... / Наш корабль не в добрый миг отчален / И плывет по воле всех ветров! («Маме»)
8. – «Какие маленькие зубки! / И заводная! В парике!» / Она **смеясь** прижала губки / К ее руке («Три поцелуя»)
9. Пока вы рядом – смех и шутки, / Но чуть умолкнули шаги, / Уж ваши **речи странно-жутки,** / И чует сердце: вы враги («В чуждой лагерь»)
10. Нежные ласки тебе уготованы / Добрых сестричек. / Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный / **Песнями птичек** («Следующему»)
11. **Сильнее гул,** как будто выше – зданья, / В последний раз колеблется вагон, / В последний раз... Мы едем... До свиданья, / Мой зимний сон! («Привет из вагона»)
12. Пусть я лишь стих в твоём альбоме, / **Едва поющий, как родник;** / (Ты стал мне лучшею из книг, / А их немало в старом доме!) («Надпись в альбом»)
13. Тень трамваев, как прежде, бежит по стене, / **Шум оркестра** внизу **осторожней и глуше...** / – «Пусть сольются без слов наши души!» / Ты взволнованно шепчешь – не мне! («Так будет»)
14. Как не стыдно! Ты, такой не робкий, / Ты, в стихах поющий новолунье, / И дриад, и **глохнущие тропки,** – / Испугался маленькой колдуньи! («Недоумение»)
15. Этим маленьких ручинок / Ждут рояль и зеркала. / **Был рояль** когда-то **звонок!** / Зала радостна была! («Волей луны»)

16. *Столовая, четыре раза в день / Миришь на миг во всем друг друга чуждых. /
Здесь разговор о самых скучных нуждах, / **Безмолвен тот, кому ответить
лень** («Столовая»)*
17. – *«Мне мил колокольчик-бубенчик, / Его я пребуду слугой. / Ты молча
срываешь своей венчик?» / – «Во имя твое, дорогой!» («Счастье»)*

Высказывания с семантикой ЗВ и СВ

1. ***Наслаждайтесь** весенними звонами, / Милый рыцарь, влюбленный, как паж, /
И принцесса с глазами зелеными, – / Этот миг, он короткий, но ваш!
(«Лесное царство»)*
2. *Дети – это **взгляды** глазок боязливых, / **Ножек** шаловливых по паркету **стук**
(«Мирок»)*
3. *Вечный беспорядок **в золоте колечек**, / Ласковых словечек **шепот** в полусне
(«Мирок»)*
4. *Дети – это вечер, вечер на диване, / Сквозь окно, в тумане, **блестки
фонарей**, / **Мерный** голос сказки о царе Салтане, / О русалках-сестрах
сказочных морей («Мирок»)*
5. *И когда осенние цветы / Льнут к земле, как детский **взгляд без смеха**, / **С
ярких губ срывается**, как эхо, / **Тихий стон**: «Мой мальчик, это ты!»
(«Сереже»)*
6. ***Тихи вздохи. На призрачном свете / Все бледны. От тоски ль ожидания,** /
Оттого ль, что солгали гаданья, / Но тревожны уснувшие дети («Дортуар
весной»)*
7. *Кто-то плачет во сне, не упрямо... / Так **слабы** эти детские **всхлипы!** /
Снятся девочке старые липы / И умершая, **бледная мама** («Дортуар весной»)*
8. *«Плывите!» – **молвила** Весна. / Ушла земля, **сверкнула** пена, / Диван-корабль
в озерах сна / Помчал нас к сказке Андерсена («Первое путешествие»)*
9. ***Шепчутся** листья над ним с ветерком, / Клонятся трепетной нишей... /
Гриша **глаза вытирает** тайком, / Ася – **смеется** над Гришей! («Летом»)*
10. ***Рыдала** с дальней дачи **флейта** / **В сиянии розовых лучей...** / Он понял –
прежде был он чей-то, / Теперь же нищий стал, ничей («Самоубийство»)*
11. *Как будто на каждой головке коронка / **От взоров**, детей стерегущих, любя.
/ И матери каждой, что гладит ребенка, / Мне **хочется крикнуть**: «Весь мир
у тебя!» («В люксембургском саду»)*
12. *Как бабочки девочек **платица пестры**, / Здесь ссора, там **хохот**, там
сборы домой... / И **шепчутся мамы**, как нежные сестры: / – «Подумайте,
сын мой»... – «Да что вы! А мой»... («В люксембургском саду»)*
13. ***Сумерки.** Медленно в воду вошла / Девочка цвета луны. / **Тихо.** Не мучат
уснувшей волны / **Мирные всплески** весла. / Вся – как наяда. **Глаза зелены**, /
Стеблем меж вод расцвела («В сумерках»)*
14. ***Умолкло сердце**, что боролось... / Вокруг лампы, образа... / **А был красив
гортанный голос!** / **А были пламенны глаза!** («Памяти Нины Джаваха»)*

15. Склонив колено, ждет кудрявый паж / Ее, наследницы, чарующей улыбки. / **Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки / И ждет серебряный, тяжелый экипаж** («Пленница»)
16. – «Herr Володя, **смотрите в тетрадь!**» / – «Ты опять не читаешь, обманщик? / **Погоди, не посмеет играть / Nimmer mehr*** этот гадкий шарманичик!» («Шарманка весной»)
17. Не уходит шарманичик слепой, / Легким ветром колеблется штора, / И сменяется: «**Пой, птичка, пой!**» / Дерзким вызовом Тореадора («Шарманка весной»)
18. **Темные ели**, клонясь от жары, / Мальчику дали приют. / Душно... **Жужжание пчел, мошкары, / Где-то барашки блеют** («Дама в голубом»)
19. **Молвил – и видит:** из сумрачных чащ / Дама идет через луг: / **Легкая поступь, синеющий плащ, / Блеск ослепительных рук; / Резвый поток золотистых кудрей / Зыблется, ветром гоним** («Дама в голубом»)
20. В небе **незримые колокола / Пели-звенели: бим-бом...** / Понял малютка тогда, кто была / Дама в плаще голубом («Дама в голубом»)
21. **Амбразуры окон потемнели, / Не вздыхает ветерок** долинный, / Ясен вечер; **сквозь вершину ели / Кинул месяц первый луч** свой длинный («Акварель»)
22. **Тишь и зной, везде синеют сливы, / Усыпительно жужжанье мух, / Мы в траве уселись, молчаливы, / Мама Lichtenstein читает вслух** («Как мы читали «Lichtenstein»»)
23. Мы лежим, от счастья **молчаливы, / Замирает сладко детский дух. / Мы в траве, вокруг синеют сливы, / Мама Lichtenstein читает вслух** («Как мы читали «Lichtenstein»»)
24. Чуть вдалеке **раздастся стук** колес, – / **Четыре вздрогнут детские** фигуры. / **Глаза Марилэ не глядят от слез, / Вздыхает Карл**, как заговорщик, хмурый («Отъезд»)
25. **Что рвали мы в саду, и сеновал, / Где мы, от всех укрывшись, их съедали...** / (Какой-то крик... **Кто звал? Никто не звал!**) / И вы, Шварцвальда **золотые дали!** («Отъезд»)
26. Мы ехали. **Осенний вечер блек. / Мы, как во сне, о чем-то говорили...** / Прощай, наш Карл, шварцвальдский паренек! / Прощай, мой друг, шварцвальдская Марилэ! («Отъезд»)
27. **Этих глаз синее не бывает! / Резкий звук развеял пенье чар: / То звонок воспитанниц сзывает / В дортуар** («Сара в Версальском монастыре»)
28. **Через мостик склонясь над водою, / Он шепнул (то последний был бред!) / – «Вот она мне кивает оттуда!» / Тихо плыл, озаренный звездой, / По поверхности пруда / Темно-синий берет** («Маленький паж»)
29. *Die stille Strasse:* юная листва / **Светло шумит**, склонясь над забором, / Дома – во сне... **Блестящим детским взором / Глядим** наверх, где меркнет **синева** («Die stille Strasse»)
30. Чуть вдали **завиделись** балкон, / Старый сад и **окна белой дачи, / Зашептала** мама в горьком **плаче:** / «Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, – / До конца лишь сердце нам закон!» («Мама на лугу»)

31. **Море синее** вдали, как огромный **сапфир**, / Детские крики доносятся с дальней лужайки, / В воздухе – чайки... / Мальчик играет, а девочке в друге весь мир... («Ricordo di Tivoli»)
32. Ясно читая в грядущем, их **ель осенила**, / Мощная, мудрая, много **видавшая ель!** / **Плачет свирель...** / Девочка, плача, головку на грудь уронила («Ricordo di Tivoli»)
33. – «**Солнце глядело** сквозь веточки, / К розе летела пчела»... / Мама у маленькой деточки / **Тихо** чулочки **сняла** («У кровати»)
34. В сердцах наших вечная рана, / **В глазах молчаливый вопрос**, / Земная пустыня бескрайна, / Высокое небо беззвездно, / **Подслушана нежная тайна**, / И властен навеки мороз («На прощанье»)
35. **Эхо стонало**, шумела река, / **Ливень стучал** тяжело, / **Луч серебристый пронзил** облака. / **Им любовались** мы долго, пока / Солнышко, солнце взошло! («Луч серебристый»)
36. Обе изменчивы, обе нежны, / Тот же **задор в голосах**, / Той же тоскою **огни зажжены** / **В** слишком похожих **глазах...** («Втроем»)
37. Мы **глядели без слов** на закат, / И кивал нам задумчивый Гоголь / С пьедестала, как горестный брат («Встреча»)
38. **Не знали** долго ваши **взоры**, / Кто из сестер для них «она»? / Здесь **умолкают все укоры**, – / Ведь две мы. Ваша ль то вина? («Два в квадрате»)
39. По тебе **тоскуют** те слова, / Что в тени **услышит** только зала. / Я тебе так мало рассказала, – / Ты в тени **меня видал** едва! («По тебе тоскует наша зала...»)
40. Словно **тихий ребенок**, обласканный тьмой, / С бесконечным **томленьем в блуждающем взоре**, / Ты застыл у окна. В коридоре / Чей-то шаг торопливый – не мой! («Так будет»)
41. Там, где **миллионы звезд-лампадок** / **Горят** пред ликом старины, / Где **звон** вечерний сердцу **сладок**, / Где башни в небо влюблены («В Кремле»)
42. **Шумны** вечерние **бульвары**, / Последний луч зари угас, / Везде, везде всё пары, пары, / Дрожанье губ и **дерзость глаз** («В Париже»)
43. – «Император, сын любимый! / Мчимся! Цепи далеки, / Мы свободны. Нету плена. / **Видишь**, милый, **огоньки?** / **Слышишь всплески?** Это Сена!» («В Шенбрунне»)
44. **Видал** ли ты эльфов в **полночную тьму** / **Сквозь дым лиловатый костра?** / **Звенящих монет** от тебя не возьму, – / Я призрачных эльфов сестра... / А если забросишь колдунью в тюрьму, / То гибель в неволе быстра! («Колдунья»)
45. Ты рыцарь, ты смелый, твой **голос ручей**, / С утеса **стремящийся вниз**. / **От глаз моих темных, от дерзких речей** / К невесте любимой **вернись!** («Колдунья»)
46. **Темной капеллы**, где **плачет орган**, / Близости кроткого лика!.. / Счастья земного мне чужд ураган: / Я – Анжелика («Анжелика»)
47. Вернись: без тебя **не горят светляки**, / **Не шепчутся темные елки**, / Без ласково-твердой хозяйской руки / Скучают мохнатые пчелки («Добрый колдун»)

48. **Бледные ручки коснулись рояля** / Медленно, словно без сил. / **Звуки запели,** томленьем печалы. / Кто твои думы смутил, / Бледная девушка, там, у рояля? («Обречённая»)
49. **Светлая церковь,** кольцо, / **Шум,** поздравления, с образом мальчик... / Девушка скрыла лицо, / **Смотрит** с тоскою на узенький пальчик, / Где **загорится кольцо** («Обречённая»)
50. **Люстра, клавиш – всё звенело,** / Увлекаясь их игрой... / **Хлопнул ставень – потемнело,** / Закрывается второй... («Волей луны»)
51. – «Все кончили? Анюта, на тарелки!» / **Враждебный тон в негромких голосах,** / И все **глядят,** как на стенных часах / Одна другую догоняют стрелки («Столовая»)
52. Не лучше ль **уличного шума** / **Зеленый пруд,** где гнутся лозы? / И темной власти Чернодума / Не лучше ль сон Апрельской Розы? («Сказки Соловьёва»)
53. **На губках смех,** в сердечке благодать, / Которую ни светских правил стужа, / Ни мненья лед не властны заковать. / Как сладко жить! Как сладко танцевать / В семнадцать лет **под добрым взглядом мужа!** («Картинка с конфеты»)
54. Уж **шепчет** муж **сквозь медленный напев:** / – «Да ты больна?» **Немного побледнев,** / Она в **ответ роняет:** «Это нервы» («Картинка с конфеты»)
55. – «Слова твои **льются,** участием согреты, / Но **темные взгляды** в былом». / – «Не правда ли, милый, так **смотрят портреты,** / **Задетые белым крылом?**» («Её слова»)
56. «Слова твои – **струи,** вскипают и льются, / Но нежные губы в тоске». / – «Не правда ли, милый, так **дети смеются** / **Пред львами на красном песке?**» («Её слова»)
57. **...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала...** / – «Мама, построй мне из кубиков домик!» / Мама взволнованно к сердцу прижала / Маленький томик («Мама за книгой»)
58. – «Мама, **смотри:** паутинка в котлете!» / **В голосе** детском упрек и угроза. / Мама очнулась от вымыслов: дети – / Горькая проза! («Мама за книгой»)
59. **Дождь повторяет: кап-кап,** / Льется и льется на дворик... / **Свет** из окошка – так **слаб!** / Детскому сердцу – так горек! («Пробужденье»)
60. Мыльная губка и таз / В темном углу – наготове. / Холодно! Кукла без глаз / Мрачно нахмурила брови: / Куколке солнышка жаль! / В зале – **дрожящие звуки...** / Это **тихонько рояль** / **Тронули мамыны руки** («Пробужденье»)
61. **В темной гостиной одиннадцать бьет.** / Что-то сегодня приснится? («Баловство»)
62. Ты с детства полюбила **тень,** / Он рыцарь грезы с колыбели. / Вам **голубые птицы пели** / О встрече каждый вешний день («Лучший союз»)
63. Я молчу, я смущенно не смею / **Заглянуть тебе** в гаснувший лик («Стук в дверь»)
64. Ты тихонько **опустил глаза,** / Колокольчики в руке сжимая. / Все цвело и пело в вечер мая... / Ты не поднял **глазок,** понимая, / Что смутит ее твоя слеза («Мама на лугу»)

65. *День и ночь признаний лживых яд... / День и ночь, и завтра вновь, и снова! /
Говорил красноречивей слова / Темный взгляд твой, мученицы взгляд*
(«Даме с камелиями»)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Сборник «После России»

Высказывания с семантикой ЗВ

Конструкции с ядерными глаголами ЗВ

1. *Некоторые не спят: / **Всматриваются** – и в скры- / тнейшем лепестке: не ты!* («Некоторым – не закон»)
2. *Дабы ты меня **не видел** – / В жизнь – пронзительной, незримой / Изгородью окружусь* («Дабы ты меня не видел»)
3. *И в разверстой хламиде / Пролетая – кто **видел?!** – / То Саул за Давидом: / Смуглой смертью своей!* («Беглецы? – Вестовые?»)
4. *Дыши да не дунь, / **Гляди да не глянь.** / Волынь-криволунь, / Хвалынь-колывань.* («(Колыбельная)»)
5. *Принц Гамлет! Довольно червивую залежь / Тревожить... На розы **взгляни!*** («Офелия – в защиту королевы»)
6. *Через дыхание... (Перси взмыли, / Веки **не видят**, вокруг уст – слюда...) / Как **прозорливица** – Самуила / Выморочу – и вернусь одна* («Не чернокнижница! В белой книге»).
7. *(Час, когда **не вижу** рук) / Души **начинают видеть*** («Час, когда вверху цари»)
8. *В час, когда мой милый гость... / – Господи, **взгляни** на нас! – / Были слезы больше глаз / Человеческих и звезд / Атлантических...* («В час, когда мой милый брат»)
9. *Весна наводит сон. Уснем. / Хоть врозь, а все ж сдается: всё / Разрозненности сводит сон. / Авошь **увидимся** во сне* («Весна наводит сон. Уснем.»)
10. *Так в воздухе, который синь – / Жажда, которой дна нет. / Так дети, в синеве простынь, / **Всматриваются** в память* («Так вслушиваются»)
11. *Час обнажающихся верховий, / Час, когда в души **глядишь** – как в очи* («Ночь»)
12. *Нате! Рвите! **Глядите!** Течет, не так ли? / Заготовливайте – чан!* («Занавес»)
13. *В глубокий час души и ночи, / Нечислящийся на часах, / Я отроку **взглянула** в очи, / Нечислящиеся в ночах* («В глубокий час души и ночи»)
14. *Рухнули у – стои: / Зарево? Кровь? Нимб? / Так же **смотрел** на Трою / Весь О – лимп* («С этой горы, как с крыши»)

15. *О, не **вглядывайся!** Под листвою падучей / Сами – листьями мчим! / Прав, что слепо берешь. Это только тучи / Мчат за ливнем косым («Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу»)*
16. *«Жизнь – рельсы! Не плачь!» / Полотна – полотна – полотна... / (**В глаза** этих кляч / Владельцы **глядят** неохотно) («Крик станций»)*
17. *Держаться. – Шпалы. – От стольких уст / Устала. – **Гляжу** на звезды («Поезд жизни»)*
18. *Так через радугу всех планет / Пропавших – считал-то кто их? – / **Гляжу и вижу** одно: конец. / Раскаиваться не стоит («Поезд жизни»)*
19. *Под занавесом дождя / От глаз равнодушных кроюсь, / – О завтра мое! – тебя / **Выглядываю** – как поезд / **Выглядывает** бомбист («Побег»)*
20. *Такая власть над сбивчивым / Числом у лиры любящей, / Что на тебя, не бывший мой, / **Оглядываюсь** – в будущее! («Брожу – не дом же плотничать»)*
21. *Так – только Елена **глядит** над кровлями / Троянскими! В столбняке зрачков / Четыре провинции обескровлено / И обезнадёжено сто веков («Так – только Елена глядит над кровлями»)*
22. *Сновидеть: рай Давидов / Зреть и Ахиллов шлем / Священный, – стен **не видеть!** / В постель иду – затем. («В мозгу ухаб пролёжан»)*
23. *Того **гляди**, плясами, / Нос богине отобьем («Полотерская»)*
24. *Та богиня – мраморная, / Нарядить – от Ламановой, / **Не гляди**, что мраморная – / Всем бока наламываем! («Полотерская»)*
25. *Нам балы давать не внове! / Двери – всё ли на ключе? / А кумач затем – что крови / **Не видать** на кумаче! («Полотерская»)*

Конструкции с приядерными глаголами ЗВ

1. *Но **узришь!** То, что в мире – век / Смежение – рожденье в свет («Сивилла – младенцу»)*
2. *Сновидеть: рай Давидов / **Зреть** и Ахиллов шлем / Священный, – стен **не видеть!** / В постель иду – затем («В мозгу ухаб пролёжан»)*
3. *Так **светят** седины: / Так древние главы семьи – / Последнего сына, / Последнейшего из семи («Осенняя седость»)*
4. *Точно в ноздри и губы – пыль / Геркуланума... Вяну... **Слепну**... («Жалоба»)*
5. *Ибо с гордыни своей, как с кедра, / Мир **озираю**: плывут суда, / Зарева рыщут... Морские недра / Выворочу – и верну со дна! («Не чернокнижница! В белой книге»)*

Конструкции с глаголами других лексико-семантических групп и существительными с семантикой ЗВ

1. *Не чернокнижница! В белой книге / Далее донских **навострила взгляд!** («Не чернокнижница! В белой книге»)*
2. *– **Остановись**, / **Светопись** зорких стрел! («Дерева – первый – вздрог»)*

3. **Глазами не знать желающими**, / Усмешкою правду кроющими, / Соседскими, справа-коечными / – **Что, братец? Часочек выиграли?** («Что, Муза моя! Жива ли еще?»)
4. **Синь** полунощную, **масть** / **Воронову**. – **Вглядь** и **власть** / **Оторопи** вдоль – ладонью («Вкрадчивостию волос»)
5. Так, **под упорством глаз** – / Владением бесплотнейшим / **Какая разлилась** / **Россия** – в три полотнища! («Рассвет на рельсах»)
6. В час, когда мой милый брат / Миновал последний вяз / (Взмахов, выстроенных в ряд), / **Были слезы – большие глаз** («В час, когда мой милый брат»)
7. Краем плаща... За стойками – / Краем стекла... (Хоть краешком / Стекла!) **Мертвец** настойчивый, / **В очах** – **зачем качаешься?** («Брожу – не дом же плотничать»)
8. **Есть рифмы в мире сём**: / Разъединишь – и дрогнет. / **Гомер, ты был слепцом**. / **Ночь** – на буграх надбровных («Есть рифмы в мире сём»)
9. Как даже Елене за красным ужином / **В глаза не дерзалось** своим рабам: / **Богам**. – «Чужеземкою обезмуженный / **Край!** **Всё еще гусеницей** – к ногам!» («Так – только Елена глядит над кровлями»)
10. **Зорко** – как следователь по камере / **Сердца** – **расхаживает** Морфей («Врылась, забылась...»)

Конструкции с существительными, деепричастиями, краткими, сравнительными прилагательными в функции предиката и существительными с семантикой ЗВ

1. **Беглецы?** – **Вестовые?** / **Отзовись**, коль живые! / **Чернецы** верховые, / **В чащах Бога узрев?** («Беглецы? – Вестовые?»)
2. Ты, лбом **обозревая дали**, / **Вдруг** по хлебам – как **цеп** / **Серебряный...** (Прервать нельзя ли? / **Дитя!** **Загубишь хлеб!**) («Строительница струн – приструню»)
3. **Лютая юдоль**, / **Дольняя любовь**. / **Руки: свет** и **соль**. / **Губы: смоль** и **кровь** («Лютая юдоль»)
4. **Глаза, не ведающие век**, / **Исследующие: свет** («Так, в скудном труженичестве дней»)
5. **Свет...** **Падающая вода** / **Чадры**. (Не прикажу – не двинешься!) / Так пэри к спящим иногда / **Прокрадываются** в любимицы («Светло-серебряная цвель»)
6. ...**Уже и не светом**: / **Каким-то свеченьем светясь...** / Не в этом, не в этом / ли – и обрывается связь («Осенняя седость»)
7. В этом пустом, / В этом крутом / **Небе мужском** / – **Сплошь золотом** («Помни закон»)
8. Я сегодня в новой шкуре / **Вызолоченный, седьмой!** («Здравствуй! Не стрела, не камень»)
9. **Поздравствовалося** – и слилось. / В оставленности **златозарной** / **Над сказочнейшим из сиротств** / **Вы смилостивились, казармы!** («Берлину»)

10. **Светло-серебряная цвель** / Над зарослями и бассейнами. / И занавес дохнёт – и в щель / **Колеблющийся** и рассеянный («Светло-серебряная цвель»)
11. В смертных изверься, / Зачароваться не тцусь. / В старческий вереск, / В **среброскользкую** сушь («В смертных изверься»)
12. Длинную руку на бедро... / Вытянув выю... / **Березовое серебро**, / Ручьи живые! («Купальщицами, в легкий круг»)
13. На плечи – **сребро-седым** плащом / Старческим, **сребро-сухим** плющом / На плечи – перетомилась – ляг, / Ладанный **слеполетейский мрак** («Леты слепотекущий всхлип»)
14. Маковый... / – ибо **красный цвет** / Старится, ибо **пурпур – сед** / В памяти, ибо выпив всю – / Сухостями теку («Леты слепотекущий всхлип»)
15. **Тусклостями**: уцербленных жил / Скупостями, молодых сивилл / **Слепостями**, головных истом / **Седостями**: свинцом («Леты слепотекущий всхлип»)
16. **Темнейшее** из ночных / Мест: мост («Ночные места»)
17. Быть может – от луча, / **Невидимого днем** («Есть час на те слова»)
18. И – шире раскручу! / **Невидимыми** рельсами / По сырости пуцу / Вагоны с погорельцами («Рассвет на рельсах»)
19. Шуманом пронося под полой весну: / **Выше! из виду!** («Эмигрант»)
20. Есть в мире **мнимые, невидимые**: / (Знак: лепрозариумов крап!) («Есть в мире лишние, добавочные»)
21. Туман еще щадит, / Еще в холсты запахнутый / Спит ломовой гранит, / Полей **не видно шахматных...** («Рассвет на рельсах»)
22. Жалко мне твоей упор- / ствующей ладони: в лоск / Волосы, – вот-вот уж **через / Край – глаза...** («Вкрадчивостью волос»)
23. А еще, несмотря на бритость, / Сытость, питость (моргну – и трачу!) / За какую-то – вдруг – побитость, / За какой-то их **взгляд собачий / Сомневающийся...** («Хвала богатым»)
24. ...За их **взгляд**, изумленный на-смерть, / Извиняющийся в болезни («Хвала богатым»)
25. Буду ждать тебя (в землю – **взгляд**, / Зубы в губы. Столбняк. Булыжник) («Терпеливо, как щепень бьют»)
26. Друг! Не кори меня за тот / **Взгляд**, деловой и тусклый. / Так вглатываются в глоток: / Вглубь – до потери чувства! («Друг! Не кори меня за тот»)
27. ...**Глазами** казенных, / **Глазами** сирот и вдов – / Засады казенных / Немыслящихся домов («Отрывок»)
28. О вспомни – снизу / **Взгляд** ее! сбитого седока / **Взгляд!** не с Олимпа уже, – из жижи / **Взгляд** ее – все ж еще свысока! («Не суждено, чтобы сильный с сильным»)
29. На всех, на всё – **равнодушьем** глаз, / Которым конец – исконность («Поезд жизни»)
30. Знаю лишь: еще нигде не / Числится, кроме твоих / **Глаз Колумбовых** («Остров»)
31. Туда: в веселящий газ / **Глаз**, газа... В платный Содом? («Ночные места»)

32. Боль, знакомая, **как глазам** – ладонь, / Как губам – / Имя собственного ребенка («Ятаган? Огонь?»)
33. Горе горé! Под толщей / Век, **в прозорливых тьмах** – / Глиняные осколки / Царств и дорожный прах / Битв... («Каменной глыбой серой»)
34. Где ни рабств, ни уродств, / Там, где всё во весь рост, / Там, где **правда видней**: / По ту сторону дней... («Други! Братственный сон!»)
35. Для тех, отрешивших последние звенья / Земного... На ложе из лож / Сложившим великую ложь **лицезренья**, / Внутрь зрящим – свидание нож («Эвредика – Орфею»)
36. **Всевидящий**, он знает, чью / Ладонь – и в чью, кого – и с кем («Весна наводит сон. Уснем.»)
37. Седеющей волчицы римской / **Взгляд**, в выкормыше зрящей – Рим! / Сновидящее материнство / Скалы... («В глубокий час души и ночи»)
38. **С глаз – все завесы!** Все следы – / Вспять! На линейках – нот – / Нет! («Есть час Души, как час Луны»)
39. В **красную** сухую глину / Благостный **вперя зрак**: / – Магдалина! Магдалина! / Не издаривайся так! («Масти, плоченные втрое»)
40. **Зорко** как летчик над вражьей местностью / Спящую – над душою сон («Врылась, забылась...»)
41. Уж **не глазами**, а в вечность дырами / **Очи**, котлом ведёрным! / Женщина, яму какую вырыла / И заложила дёрном? («Под шалью»)
42. Ночь – твой рапсодов плащ, / **Ночь – на очах – завесой.** / Разъединил ли б зряц / Елену с Ахиллесом? («Есть рифмы в мире сём»)
43. Олимпийцы?! Их **взгляд спяц!** / Небожителей – мы – летим! («ЖАЛОБА»)
44. Тщета! во мне она! Везде! **Закрыв / Глаза:** без dna она! без дня! И дата / Лжет календарная... («Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды»)
45. В тот час, **душа, мрачи / Глаза**, где Вегой / Взойдешь... Сладчайший плод / Душа, горчи («В глубокий час души»)

Высказывания с семантикой СВ

Конструкции с приядерными глаголами СВ

1. Лезогрудый гром / Лбом **подслушан был** («Лютая юдоль»)
2. Как под упорством уст / Сон – **слушала** – траву... / (Здесь, на земле искусств, / Словесницей слыву!) («Когда же, Господин»)
3. Дабы ты меня **не слушал** / В ночь – в премудрости старушьей: / Скрытничестве – укреплюсь («Дабы ты меня не видел»)
4. Над источником, / **Слушай-слушай**, Адам, / Чтó проточные / Жилы рек – берегам («Но тесна вдвоем»)
5. К отчаянью трубы заводской / **Прислушайтесь** – ибо зовет / Завод («Стоят в чернорабочей хмури»)
6. То Психеи лесть – / Ипполитовы лепеты **слушать** у самых уст («Послание»)

7. **Слышишь?** Это последний срыв / Глотки сорванной: про – о – стите... («Вереницею певчих свай»)
8. Так **вслушиваются** (в исток / **Вслушивается** – устье). / Так внюхиваются в цветок: / Вглубь – до потери чувства! («Так вслушиваются»)
9. (**Слушай!** если звезда, срываясь... / Не по воле дитя с ладьи / В море падает... («Клинок»)
10. Друг, я люблю тебя свыше. / **Слышь** – и – встань («С этой горы, как с крыши»)

Конструкции с приядерными глаголами СВ

1. Есть час на те слова. / Из слуховых глушизн / Высокие права / **Выстукивает** жизнь («Есть час на те слова»)
2. И **стих** / Спор – / В шелесте... / И лист / И первой птицы **свист** («В стекло... Ночные шепота: шелка»)
3. Не – поздно еще!* / В рас – светные щели / (Не поздно!) – еще / Нам птицы **не пели** («Думалось: будут легки»)
4. Державным деревом в лесу нагом – / Сначала деревом **шумел** огонь («Сивилла»)
5. Кутают ливни плечи / В плащ, плесневевет гриб. / Тысячелетья **плещут** / У столбняковых глыб («Каменной глыбой серой»)
6. Каким наитием, / Какими истинами, / О чем **шумите** вы, / Разливы лиственные? («Каким наитием»)
7. Какой неистойой / Сивиллы таинствами – / О чем **шумите** вы, / О чем беспмятствуете? («Каким наитием»)
8. Листва ли – листьями? / Сивилла ль – **выстонала?** / ...Лавины лиственные, / Руины лиственные... («Каким наитием»)
9. В надышанную сирость чайной / Картуз засаленный бредет. / Последняя труба окраины / О праведности **вопиет** («Стоят в чернорабочей хмури»)
10. И никакой посредник / Уж не послужит вам тогда, / Когда над городом последним / **Взрвет** последняя труба («Стоят в чернорабочей хмури»)
11. **Говорит:** приду! / И еще: в гробу! / Труднодышащую – наших дел судью / И рабу – трубу («Книгу вечности на людских устах»)
12. И засим, с колокольной крыши / **Объявляю:** люблю богатых! («Хвала богатым»)
13. Лицо без обличия. / Строгость. – Прелесть. / Все ризы делившие / В тебе **спелись** («Лицо без обличия»)
14. **Не надо ее окликать:** / Ей оклик – что охлест. Ей **зов** / Твой – раною по рукоять («Не надо ее окликать»)
15. Встревожена – творческий страх / Вторжения – бойся, с высот / – Все крепости на пропасть! – / Пожалуй – органом **вспоет** («Не надо ее окликать»)
16. **Пой, пой** – миры поклонятся! / Но регент: – Голос тот / Над кровною покойницей, / Над Музою **поет!** («Нет, правды не оспаривай»)

17. Расколуюсь – так в стеклянь, / Распалуюсь – так в пар. / В рокота гитар / **Рокочи**, гортань! («Плач цыганки по графу Zubову»)
18. И в прах! / И в тряс! / И **грянь!** / И **ударь!** («Плач цыганки по графу Zubову»)
19. О, в трубы **трубить** – / Уступленной быть! – Это длится и слыть / Как губы и трубы пророчеств («Оставленной быть – это втравленной быть»)
20. – О всеми голосами раковин / Ты **пел** ей... («О всеми голосами раковин»)
21. (целый хор / На помощь!) Рукава как стяги / Выбрасывая... / – Без стыда! – / **Гудят** моей высокой тяги / Лирические провода («(Пути)»)
22. Здесь отрочества под конвоем / **Щебечут:** шалишь! («Здесь страсти поджары и ржавы»)
23. Памяти гудящий Китеж – / Правая! Летейских вод / Левую бери: глушитель / Длителя **перепоеет** («Сколь пронзительная, столь же»)
24. **Лязгает!** Как змей из фальши / Клавишей, разбитых в гуд... («Сколь пронзительная, столь же»)
25. Крутогорьями **глаголь**, / Колокольнями **трезвонь:** / Место дальнее – юдоль, / Место дальнее – ладонь («Крутогорьями глаголь»)
26. Так в ткань вработываясь, ткач / Ткёт свой последний пропад. / Так дети, вплакиваясь в плач, / **Вишёнтываются** в шёпот («Друг! Не кори меня за тот»)
27. Так дети, **вкрикиваясь** в крик, / **Вмалчиваются** в тихость («Друг! Не кори меня за тот»)
28. Красавцы, не ездите! / Песками глуша, / Пропавшего без вести / **Не скажет** душа («Сахара»)
29. Где-то, вдоль звезд и шпал, / – Настежь, без третьего! – / Что по ночам **шептал** / Цезарь – Лукреции («Брат»)
30. О, ты – из всех залинейных нот / Нижайшая! – Кончим распрю! / Как та чахоточная, что в ночь / **Стонала:** еще понравься! («Последний моряк»)
31. «Вам сон, мне – спех! Не присев, не спев – / И занавес! Завтра в лёжку!» / Как та чахоточная, что всех / **Просила:** еще немножко / Понравься!... («Последний моряк»)
32. **Пела** как стрелы и как морены, / Мчащие из-под ног / С звуком рвущегося атласа. / – **Пела!** («Пела как стрелы и как морены»)
33. **Пела** как стрелы. / Тело? / Мне нету дела! («Пела как стрелы и как морены»)
34. Как живется вам – здоровится – / Можется? **Поется** – как? («Попытка ревности»)
35. Тело, что все свои двери заперло – / Тщетно! – уж ядра **поют** вдоль жил («Врылась, забылась...»)
36. Емче органа и звонче **бубна** / **Молвь** – и одна для всех: / Ох, когда трудно, и ах, когда чудно, / А не дается – эх! («Емче органа и звонче бубна»)
37. Словоискатель, словесный хахаль, / Слов неприкрытый кран, / Эх, **слуханул** бы разок – как **ахал** / В ночь половецкий стан! («Емче органа и звонче бубна»)
38. Се жеребец, на аршин ощерясь, / **Ржет**, предвкушая бег. / Се, напоровишись на конский череп, / Песнь заказал Олег – / Пушкину («Емче органа и звонче бубна»)

39. Мир – это стены. / Выход – топор. / («Мир – это сцена», / **Лепечет** актер)
(«Жив, а не умер»)

40. Чем окончился этот случай, / Не узнать ни любви, ни дружбе. / С каждым
днем **отвечаешь** глуше, / С каждым днем пропадаешь глубже («Чем окончился
этот случай»)

Конструкции с глаголами других лексико-семантических групп и
существительными с семантикой СВ

1. **Шорохами опояиусь**, / **Шелестами опушусь** («Дабы ты меня не видел»)
2. Но если – не сочти, что **дразнит** / **Слух!** – любящая – чуть / Отклонится, но
если **на́взрыд** / Ночь и кифарой – грудь... («Ночного гостя не застанешь...»)
3. Деревья! К вам иду! **Спасись** / **От рева** рыночного! («Когда обидой –
опилась»)
4. Как в вашу бархатную сытость / **Вгрызается** их жалкий **вой!** / Какая
за́живо-зарытость / И выведенность на убой! («Стоят в чернорабочей хмури»)
5. И сбудется! – Бойся! – Из ста / На сотый срываются... Чу! / **На оклик**
гортанный певца / **Органною бурей мицу!** («Не надо ее окликать»)
6. Нет, правды не оспаривай. / Меж кафедральных Альп / То **бьется** о розариум
/ Неоперенный **альт** («Нет, правды не оспаривай»)
7. Горе! Как рыбарь какой стою / Перед пустой жемчужницею. / Это же
оловом соловью / **Глотку залить**... да хуже еще («Лютня»)
8. В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс! / А – ах, **струна сорвалась!** («Плач
цыганки по графу Зубову»)
9. Уплочено же – **вспомяни** мои **крики!** – / За этот последний простор
(«Эвредика – Орфею»)
10. По аллее / Вздохов – проволокой к столбу – / **Телеграфное: лю – ю –**
блю...(«Вереницею певчих свай»)
11. Вдоль свай / **Телеграфное: про – о – щай...**(«Вереницею певчих свай»)
12. Выше, выше – и сли – лись / В Ариаднино: **ве – ер – нись** («Вереницею певчих
свай»)
13. Обернись!.. Даровых больниц / **Заунывное: не выйду!** («Вереницею певчих
свай»)
14. Пожалейте! (В сем **хоре** – сей / **Различаешь?**) **В** предсмертном **крике** /
Упирающихся страстей – / Дуновение Эвредики («Вереницею певчих свай»)
15. **Звуки растеряла речь**, / Пальцы растеряла пясть («В час, когда мой милый
брат»)
16. Всеми вольными в лазорь / **Колокольнями злословь:** / Место дальнее –
ладонь, / Место дальнее – любовь («Крутогорьями глаголь»)
17. Мир обернулся сплошной **ушною** / **Раковиною: сосущей звуки** / Раковиною, –
сплошной душою!.. («Ночь»)
18. А может – лучшая потеха / Перстом Себастиана Баха / **Органного не**
тронуть эха? («Прокрасться»)

19. Ты **дробью** голосов ручьевых / Мозг **бороздишь**, как стих.
/(Вместительнейший из почтовых / Ящиков – не вместит!) («Строительница струн – приструню»)
20. Сам выдумай, чтобы в их листве / **Дождь слышался**: то не цеп о сноп: / **Дождь в крышу бьет**: чтобы мне на лоб («Люблю – но мука еще жива»)
21. Елена. Ахиллес. / **Звук назови созвучней** («Есть рифмы в мире сём»)
22. Да, хаосу вразрез / **Построен на созвучьях** / **Мир**, и, разъединен, / **Мстит**
 («Есть рифмы в мире сём»)
23. Что, Муза моя! Жива ли еще? / Так **узник стучит к товарищу** / **В слух**, в
ямку, перстом продолбленную / – Что Муза моя? Надолго ли ей? («Что, Муза
моя! Жива ли еще?»)
24. Беженская мостовая! / **Гикнуло** – и понеслось / **Опрометями колес** («Хвала
времени»)

Конструкции с существительными с семантикой СВ (беспредикатные)

1. О этот дружный **всплеск** / **Плоских** как меч **одежд** – / В небе мужских
божеств, / В небе мужских торжеств! («Помни закон»)
2. **Прорицаниями рокоча**, / **Нераскаянного скрипача** / **Piccicata**’ми... Разрывом
бус! / Паганиниевскими «добьюсь!» / **Опрокинутыми**... («Прорицаниями
рокоча»)
3. **Жарких самоуправств** / Час – и **тишайших просьб**. («Есть час на те слова»)
4. Вот: пригоршнями: вся выплеснута / С моими дикостями – и **тихостями**, /
С моими радугами заплаканными, / С подкрадываньями, **забарматываньями**...
 («Лютая юдоль»)
5. Но может, в **щебетах** и в счетах / От вечных женственностей устав – / И
вспомнишь руку мою без прав / И мужественный рукав («Так, в скудном
труженичестве дней»)
6. В стекло... Ночные **шепота**: шелка / Разбрасывающая рука («В стекло...
Ночные шепота: шелка»)
7. От высокоторжественных **немот** / До полного попрания души: / Всю
лестницу божественную – от: / Дыхание мое – до: не дыши! («Ищи себе
доверчивых подруг»)
8. Деревя – первый – вздрог, / Голубя – первый – **ворк**. / (Это не твой ли вздрог,
/ Гордость, не твой ли **ворк**, / Верность?) («Деревя – первый – вздрог»)
9. Если бы – не – рассвет: / **Дребезг, и свист**, и лист, / Если бы не сует / Сих
суета – сбылись / Жизни б... («Деревя – первый – вздрог»)
10. Дождь убаюкивает боль. / Под ливни опускающихся ставень / Сплю.
Вздрагивающих асфальтов вдоль / **Копыта** – как **рукоплесканья** («Берлину»)
11. **Лестницы** последний **скрип**... / Так заглаживают шип / Розовый... –
Поранишь руку! («Вкрадчивостию волос»)
12. (Ибо странник – Дух, / И идет один), / До начальных глин / **Потупляя слух**
 («Но тесна вдвоем»)

13. Не раскаленность жёрл, / Не распаленность скверн – / Нерастворенный перл / **В горечи певчих горл** («Леты подводный свет»)
14. Железом в хрип, / Тысячей пил и свёрл – / Неизвлеченный шип / **В горечи певчих горл** («Леты подводный свет»)
15. К вам! **В живоплещущую ртуть** / **Листвы** – пусть рушащейся! («Когда обидой – опилась»)
16. В **громком таборе** дружб / Событьельница душ / Кончу, трезвость избрав, / День – **в тишайшем** из братств («Други! Братственный сонм!»)
17. Ах, с **топочущих** стогн / В легкий жертвенный огонь / Роц! В великий покой / Мхов! В струение хвой... («Други! Братственный сонм!»)
18. Древа вещая весть! / Лес, **вещающий**: Есть / Здесь, над сбродом кривизн – / Совершенная жизнь («Други! Братственный сонм!»)
19. Труба! Труба! Лбов искаженных / Последнее: еще мы тут! / Какая на-
смерть осужденность / В той **жалобе последних труб!** («Стоят в
чернорабочей хмури»)
20. **Голос шахт и подвалов**, / – Лбов на чахлом стебле! – / **Голос сирых и
малых**, / Злых – и правых во зле («Книгу вечности на людских устах»)
21. Всех прокопченных, коих / Черт за корку купил! / **Голос стоек и коек**, /
Рычагов и стропил («Книгу вечности на людских устах»)
22. Кому – нету отбросов! / Сам – последний ошмёт! / **Голос всех безголосых** /
Под бичом твоим, – Тот! («Книгу вечности на людских устах»)
23. Шевельнуться не смеет. / Родился – и лежи! / **Голос маленьких швеек** / В
проливные дожди («Книгу вечности на людских устах»)
24. Черных **прачешен кашель**, / Вишовой ревности зуд. / **Крик**, что кровью
окрашен: / Там, где любят и бьют... («Книгу вечности на людских устах»)
25. **Голос**, бьющийся в прахе / Лбом – о кротость Твою, / (Гордецов без рубахи /
Голос – свой узнаю!) («Книгу вечности на людских устах»)
26. Еженощная ода / Красоте твоей, твердь! / Всех – кто с черного хода / В
жизнь, и **шепотом** в смерть («Книгу вечности на людских устах»)
27. У последней, последней из всех застав, / Там, где каждый прав – / Ибо все
бесправны – на камень встав, / **В плеске первых трав...** («Книгу вечности на
людских устах»)
28. И навстречу, с безвестной / Башни – **в каторжный вой**: / **Голос правды**
небесной / Против правды земной («Книгу вечности на людских устах»)
29. За **тихое**, с **уст зажатых**: / «По каратам считал, я – брат был»... /
Присягаю: люблю богатых! («Хвала богатым»)
30. Листвою опавшею, / Щебнем рыхлым. / **Всё криком кричавшие** / В тебе
стихли («Лицо без обличия»)
31. Нищих и горлиц / **Сирый распев**. / То не твои ли / Ризы простерлись / В беге
дерев? («Нищих и горлиц»)
32. Клянусь дарами Божьими: / Своей душой живой! – / Что всех высот дорожке
мне / Твой **срыв голосовой!** («Нет, правды не оспаривай»)
33. **Соловьиным тремоло** на весу – / Некий – избранный («Эмигрант»)

34. Муза! Муза! Да как – смеешь ты? / Только узел фаты – веющей! / Или ветер страниц – **шелестом** / О страницы – и смыв, взмыл... («*Душа*»)
35. И спи, молодой, смутный мой / Сириец, стрелу смертную / Леилами – и – **лютнями** / Глуша... («Из недр и на ветвь – рысями!»)
36. **Не ушам** смертного – / (**Единожды** в век **слышимый**) / Этический бег – Скифии! («Из недр и на ветвь – рысями!»)
37. Как по льстивой по трости / **Росным бисером плеча** / Заработают персты... / **Шаг – подушками глуша** / Лежи («*Колыбельная*»)
38. **Лютня!** Безумица! Каждый раз, / Царского беса **вспугивая:** / «Перед Саулом-Царем кичась»... / (**Да не струна ж, а судорога!**) («*Лютня*»)
39. Это бессмертную душу в пах / Первому добру молодцу... / Это – но хуже, чем в кровь и в прах: / Это – **сорваться с голоса!** («*Лютня*»)
40. Ермань-Дурмань. / **Гортань-Гитарь.** («Плач цыганки по графу Зубову»)
41. Розы?.. Но ведь это же – **тссс!** – Будущность! («*Офелия – Гамлету*»)
42. Итак, / Ипполиту от Федры: **стенание нежных уст** («*Послание*»)
43. **Просты** / Только **речи** и руки... За трепетом уст и рук / Есть великая тайна, **молчанье** на ней как перст («*Послание*»)
44. – «Устыдись!» – Но ведь поздно! Ведь это **последний всплеск!** («*Послание*»)
45. Вереницею **певчих свай,** / Подпирающих Эмпирей, / Посылаю тебе свой пай / Праха дальнего («*Вереницею певчих свай*»)
46. Это – проводами стальных / Проводов – **голоса Аида** / **Удаляющиеся...** Даль / **Заклинающее: жа – аль...** («*Вереницею певчих свай*»)
47. Через насыпи – и – рвы / Эвридикино: **у – у – вы,** / **Не у** – («*Вереницею певчих свай*»)
48. Всё перебрав и всё отбросив, / (В особенности – семафор!) / Дичайшей из **разноголосиц** / Школ, оттепелей... («*Пути*»)
49. Вожделений – моих – выпретенных, / **Крик** – из чрева и на ветер! («*Самовластная слобода!*»)
50. – «Метр и меру?» Но чет – верное / Измерение мстит! – Мчись / Над метрическими – мертвыми – / Лжесвидетельствами – **свист!** («*Самовластная слобода!*»)
51. **Тсс...** А ежели вдруг (всюду же / Провода и столбы?) («*Самовластная слобода!*»)
52. Трудные / Слова сии – лишь **воплъ** / **Соловьиный,** с пути сбившийся («*Самовластная слобода!*»)
53. Через дыхание – в час твой **хриплый,** / Через архангельского суда / Изгороди! – Все уста о шипья / Выкровяню и верну с одра! («*Не чернокнижница! В белой книге*»)
54. **Скрип полозьев, ответный скрип** / Двери: **рокот ветров таежных** («*Терпеливо, как щепень бьют*»)
55. О том, что **тише** ты и я / **Травы,** руды, беды, воды... / О том, что выстрочит швея: / Рабы – рабы – рабы – рабы («*Весна наводит сон. Уснем.*»)
56. **Жалобу труб.** / Рай огородов. / Заступ и зуб. / Чуб безбородых («*Поэма заставы*»)

57. Как на полотнах / Только – и в одах: / **Рев безработных, / Рев безбородых** («Поэма заставы»)
58. Что же мне делать, ребром и промыслом / **Певчей!** – как провод! загар! Сибирь! («Что же мне делать, слепцу и пасынку»)
59. После жизненных радуший / В смерть – заведомо не жаль. / **Глуше – глуше – глуше – глуше:** / Это – левая педаль («Сколь пронзительная, столь же»)
60. **Недосказанностями тишизн / Заговаривающие** жизнь: / Страдивариусами в ночи / Проливающиеся ручьи («Прорицаниями рокоча»)
61. В летописях и в лобзаннях / Поймаемое... но песка / **Струечкою шелестя...** / Время, ты меня обманешь! («Хвала времени»)
62. Водопадами занавеса, как пеной – / **Хвоей** – пламенем – **прошумя.** / Нету тайны у занавеса от сцены: / (Сцена – ты, занавес – я) («Занавес»)
63. И тогда, сострадательным покрывалом / Долу, **знаменем прошумя.** / Нету тайны у занавеса – от зала. / (Зала – жизнь, занавес – я) («Занавес»)
64. И если **гром** у нас – на крышах, / Дождь – в доме, ливень – сплошь – / Так это ты письмо мне пишешь, / Которого не илешь («Строительница струн – приструню»)
65. Это – остаются. **Боль как нота / Высящаяся...** (Рельсы»)
66. – Твоя! – / И **обезголосившая Сафо** / Плачет как последняя швея (Рельсы»)
67. Плач безропотности! **Плач** болотной / **Цаплицы,** знающей уже... Глубок / Железнодорожные полотна / **Ножницами режущий гудок** (Рельсы»)
68. Смуты... (Откуда звук / **Ветки откромсанной?**) («Брат»)
69. Блаженны длинноты, / Широты забвений и зон! / **Пространством как нотой** / В тебя удаляясь, как **стон** («Заочность»)
70. Материнское – сквозь сон – **ухо.** / У меня к тебе **наклон слуха** («Наклон»)
71. **Крик станций:** останься! / Вокзалов: о жалость! / И **крик полустанков:** / Не Дантов ли / **Возглас:** / «Надежду оставь!» / И **крик паровозов** («Крик станций»)
72. Железом потряс / И **громом волны океанской** («Крик станций»)
73. «Без рва и без шва / Нет счастья. Ведь с тем покупала?» / Та швейка права, / **На это смолчавши:** «Есть шпалы» («Крик станций»)
74. – Но облака! но **звоны!** / То Завтра на всех парах / Проносится вдоль перрона / Пропавшего... («Побег»)
75. Лишь **шорохом древес** / Миртовых, сном **кифары:** / «Елена: Ахиллес: / Разрозненная пара» («Есть рифмы в мире сём»)
76. Я любовь узнаю **по жиле,** / Всего тела вдоль / **Стонущей** («Приметы»)
77. Я любовь узнаю **по срыву** / Самых **верных струн** / **Горловых, – горловых ущелий** / Ржавь, живая соль («Приметы»)
78. Поскромнее, – куда как **громко!** («Ятаган? Огонь?»)
79. **Ах** с Эмпиреев и **ох** вдоль пахот, / И повинись, поэт, / Что ничего кроме этих ахов, / Охов, – у Музы нет («Емче органа и звонче бубна»)
80. Наинасыщеннейшая рифма / Недр, **наинизший тон** («Емче органа и звонче бубна»)

81. **Ах:** разрывающееся сердце, / Слог, на котором мрут. / **Ах**, это занавес – вдруг – разверстый. / **Ох:** ломовой хомут («Емче органа и звонче бубна»)
82. И пригibasя, и зверем прядал... / В мхах, в звуковом меху: / **Ах** – да ведь это ж цыганский табор / – **Весь!** – и с луной вверху! («Емче органа и звонче бубна»)
83. И – раскалясь в полете – / В прабогатырских тьмах – / Неодолимые **возгласы плоти:** / **Ох!** – **эх!** – **ах!** («Емче органа и звонче бубна»)
84. Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, – / **Безошибочен певчий слух!** («Не возьмешь мою душу живу»)
85. Существования котловиною / Сдавленная, в столбняке глушизн, / Погребенная заживо под лавиною / Дней – как каторгу избываю жизнь («Существования котловиною»)
86. В воронке дымка рассеянного – / **Солдатское пересмеиванье** («Что, Муза моя! Жива ли еще?»)
87. Как на каждый стих – / **Что на тайный свист** / Останавливаюсь, / Настораживаюсь («В седину – висок»)
88. Равнодушна как вечность, / Но пристрастна как первые дни / Весен... **собственным пеньем** / Опьяняясь как ночь – соловьем («Променявши на стремя»)

Высказывания с семантикой ЗВ и СВ

1. **Щебеты во тьмах...** / С птицами встаю! («Лютая юдоль»)
2. Легонькой **искры хруст**, / Взрыв – и ответный взрыв («Помни закон»)
3. Когда ж в **пратишину** / Тех **первоголубизн** / Высокое плечо, / Всю вынесшее жизнь («Когда же, Господин»)
4. Словно во ржи лежишь: **звон, синь...** / (Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал... / Бормот – сквозь жимолость – ста жил... / Радуйся же! – **Звал!** («Неподражаемо лжет жизнь»)
5. **В белую книгу твоих тишизн**, / В дикую глину твоих «да» – / Тихо склоняю облом лба: / Ибо ладонь – жизнь («Неподражаемо лжет жизнь»)
6. Нет, руки за голову заломив, / – **Глоткою соловьиной!** – / Не о сокровищнице – Суламифь: / Горсточке **красной глины!** («Удостоверишься – повремени!»)
7. Из **светлых дуг** / Присталью неотторжимой / **Весь** противушерстный твой / **Строй** выслеживаю: **смоль**, / **Стонущую под нажимом** («Вкрадчивостию волос»)
8. **Леты слепотекущий всхлип.** / Долг твой тебе отпущен: слит / С Летою, – еле-еле жив / **В лепете сребroteкущих ив** («Леты слепотекущий всхлип»)
9. **Ивовый сребролетейский плеск** / Плачуций... **В слепотекущий склеп** / Памятей – перетомилась – спрячь / **В ивовый сребролетейский плач** («Леты слепотекущий всхлип»)
10. Каменной **глыбой серой**, / С веком порвав родство. / **Тело** твое – **пещера** / **Голоса твоего** («Каменной глыбой серой»)
11. Недрами – в ночь, сквозь **слепость** / Век, **слепотой бойниц.** / Глухонемая **крепость** / **Над пестротою жниц** («Каменной глыбой серой»)

12. **Леты подводный свет, / Красногo сердца риф.** / Застолбенел ланцет, / **Певчее горло вскрыв** («Леты подводный свет»)
13. **Гóре горé! Граним, / Плавим и мрем – вотще.** / Ибо нерастворим / **В голосовом луче / Жемчуг...** («Леты подводный свет»)
14. **Зеленых отсветов рои...** / Как в руки – **плещущие...** («Когда обидой – опилась»)
15. **Вижу: опрометь копий, / Слышу: рокот кровей!** («Беглецы? – Вестовые?»)
16. **Осенняя седость.** / Ты, Гётевский апофеоз! / **Здесь многое спелось, / А** больше еще – **расплелось** («Осенняя седость»)
17. **За тишайшую просьбу уст их, / Исполняемую как окрик.** / И за то, что их в рай не впустят, / И за то, что **в глаза не смотрят** («Хвала богатым»)
18. **Нищие пели: / – Темен, ох, темен лес! / Нищие пели: / – Сброшен** последний крест! / Бог из **церквей воскрес!** («Нищих и горлиц»)
19. В самóм истоке суженный: / **Растворены вотще / Сто и одна жемчужина / В** голосовом луче («Нет, правды не оспаривай»)
20. Я в голосах мальчишеских / **Знаток...** – и в прах и в кровь / **Снопом лучей рассыпавшись / О** гробовой покров («Нет, правды не оспаривай»)
21. **Лира! Лира! Хвалынь – синяя! / Полыхание** крыл – в **скинии!** / Над **мотыгами – и – спинами / Полыхание** двух бурь! («Душа»)
22. Как **по синей по степи / Да из звездного ковша / Да на лоб тебе да... / – Спи,** / **Синь подушками глуша** («Колыбельная»)
23. Это слепень в раскрытый плач / **Раны плещущей...** Слепень злится... / Это – **красною раной вскачь / Запаленная кобылица!** («Жалоба»)
24. Что же мне делать, **слепцу и пасынку,** / В мире, где каждый и отч и зряч, / Где по анафемам, как по насыпям – / **Страсти! где насморком / Назван – плач!** («Что же мне делать, слепцу и пасынку»)
25. Хлынула ночь! (**Слуховых верховий / Час: когда в уши нам мир – как в очи!**) («Ночь»)
26. **Зримости сдернутая завеса! / Времени явственное затишье!** / Час, когда **ухо разъяв, как веко, / Больше не весим, не дышим: слышим.** («Ночь»)
27. Я – **глаза твои. Совиное / Око крыш. / Буду звать тебя по имени – / Не** **расслышь** («Луна – лунатику»)
28. **Брат! Оглянись в века: / Не было крепче той / Спайки. Назад – река... / Снова** **прошепчется** («Брат»)
29. **Заустно, заглазно / Как некое долгое lá / Меж ртом и соблазном / Версту** **расстояния для...** («Заочность»)
30. В тебе **удлиняясь, / Как эхо в гранитную грудь / В тебя ударяясь: / Не видь** **и не слышь** и не будь («Заочность»)
31. **Не вижу – и гладь, / Не слышу – и глушь: / Не был** («Наука Фомы»)
32. **Круги на воде. / Ушам и очам – / Камень. / Не здесь – так нигде** («Наука Фомы»)
33. О, **не вслушивайся!** Болевого бреда / **Ртуть... Ручьёвая речь...** / Прав, что **слепо берешь. От такой победы / Руки могут – от плеч!** («Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу»)

34. Так Поликсена, узрев ахейца / Ахнула – и – / Знаете этот отлив атлантский / Крови от щек? («Ахилл на валу»)
35. Так, перед вспыхнувшей Суламифью – / Ахнувший Соломон («Емче органа и звонче бубна»)
36. Как на каждый слог – / Что на тайный взгляд / Оборачиваюсь, / Охорашиваюсь («В седину – висок»)
37. – Око! – светом в тебя расслаиваюсь, / Расхожусь. Тоской / На гитарный лад / Перестраиваюсь, / Перекраиваюсь («В седину – висок»)
38. Внимайте без зависти / Сей повести души. / В глазные оазисы – / Песчаная сушь... («Сахара»)

Введите текст:

...или загрузите файл:

Файл не выбран...

Выбрать файл...

Укажите год публикации:

Выберите коллекции

Все	Википедия	Российские журналы
Рефераты	Российские конференции	Энциклопедии
Авторефераты	Иностранные журналы	Англоязычная википедия
Иностранные конференции		
PubMed		

Анализировать

Обработан файл:

Белуsoва А. Средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэтическом творчестве М. Цветаевой.docx.

Год публикации: 2018.

Оценка оригинальности документа - 92.83%

Процент условно корректных заимствований - 0.0%

Процент некорректных заимствований - 7.17%

Время выполнения: 26 с.

Документы из базы

Источники заимствования

	Источники
В списке литературы	Заимствования

1. Реферат: Стихотворения 22 (<http://www.bestreferat.ru/files/23/bestreferat-255123.docx>)

Год публикации: 2016. Тип публикации: реферат.
<http://www.bestreferat.ru/files/23/bestreferat-255123.docx>
<http://www.bestreferat.ru/files/23/bestreferat-255123.docx>
 Показать заимствования (36)

 2.58%

2. Звуковая картина мира (<http://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-kartina-mira>)

Авторы: Стефановская Светлана Владимировна.
 Год публикации: 2009. Тип публикации: статья научного журнала.
<http://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-kartina-mira> (<http://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-kartina-mira>)
 Показать заимствования (10)

 1.98%

3. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в поэтическом тексте (на материале поэзии «Серебряного века»)
(<http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-modelirovanie-situatsii-vospriyatiya-v-poeticheskom-tekste-na-materiale-poezii-serebryanogo-veka>)

Авторы: Крюкова Лариса Борисовна.

Год публикации: 2007. Тип публикации: статья научного журнала.

<http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-modelirovanie-situatsii-vospriyatiya-v-poeticheskom-tekste-na-materiale-poezii-serebryanogo-veka> (<http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-modelirovanie-situatsii-vospriyatiya-v-poeticheskom-tekste-na-materiale-poezii-serebryanogo-veka>)

[Показать заимствования \(6\)](#)

1.42%

4. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака
(<http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/169264>)

Авторы: Двизова Анна Владимировна.

Год публикации: 2014. Тип публикации: автореферат диссертации.

<http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/169264>
<http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/169264>

[Показать заимствования \(6\)](#)

1.2%

[Дополнительно](#)

© 2015 2018 Институт системного анализа Российской академии наук (<http://www.isa.ru/index.php?lang=ru>)